This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

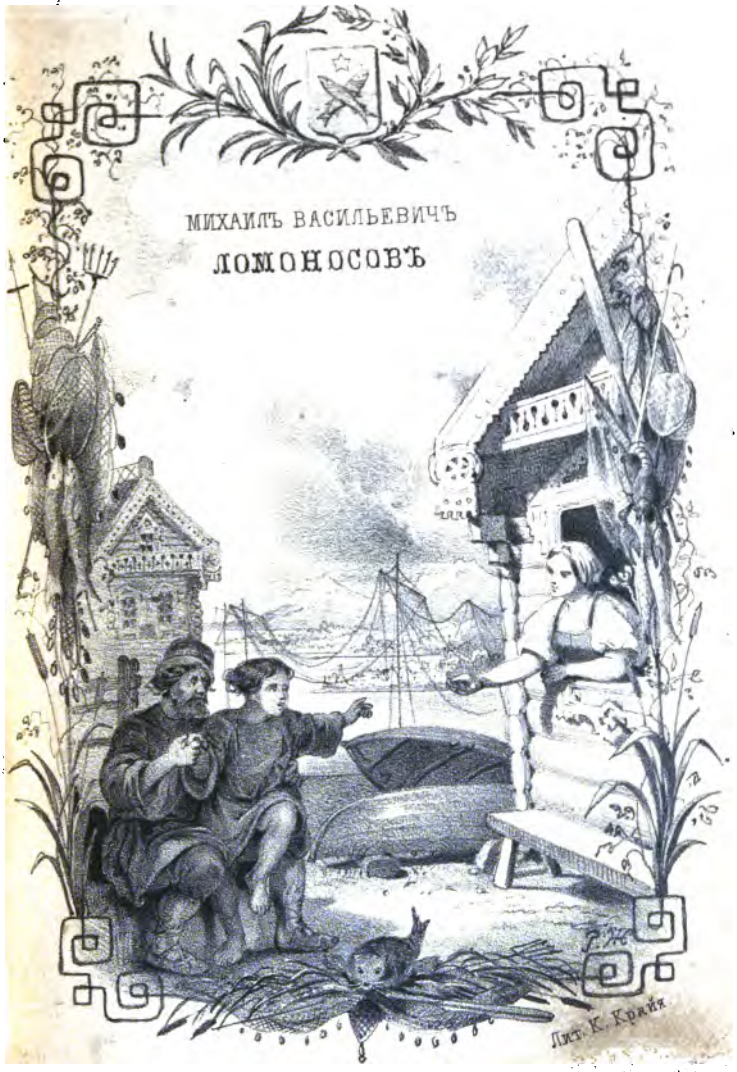
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4236.1.835

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES


МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ
Лит. К. Крайя

30

СЫНЪ РЫБАКА,

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ.

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОЧИНЕНІЕ Н. ФУРМАННА.

СЪ 10-Ю ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ КАРТИНКАМИ, РИСОВАННЫМИ Р. К. ЖУКОВСКИМЪ, И ОТПЕЧАТАННЫМИ ВЪ ДВА ТОНА.

Изданіе третіе, А. Ѳ. Ѳарикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1851.

Slav 4236.1.835

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
Jan 29, 1968

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 7-го Іюня 1849 г.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

Павлушѣ отъ тёти Лены
21 Апрѣля 1860

I.

ДОМЪ РОДИТЕЛЬСКІЙ.

ОДА.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 14.

—

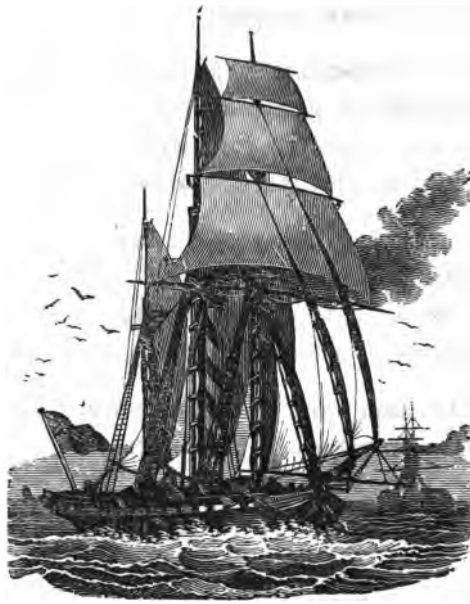
Господи! Кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ нимъ душою правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто на свѣтѣ такъ жить тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.



Въ Архангельской губерніи есть городъ Холмогоры. Не въ дальнемъ разстояніи отъ него лежитъ *Куростровская волость*.

Около 1711 года, у одной изъ красивѣйшихъ избъ этой волости сидѣлъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ. Онъ съ любовію смотрѣлъ на ребенка, котораго покачивалъ на колѣняхъ своихъ; и точно, ребенокъ былъ красавчикъ; темно-

русые волосы кудрились вокругъ бѣленькаго, румянаго и полнаго личика; карiе глаза его сверкали понятливостiю и умомъ.

За избой, на самомъ берегу Сѣверной Двины, были развѣшены для просушки сѣти; двѣ опрокинутыя лодки, или *чайки*, какъ ихъ называютъ тамошнiе рыбаки, лежали на чистомъ пескѣ; мерёжи и сѣтки различныхъ видовъ и размѣровъ были разставлены въ порядкѣ. По этимъ подробностямъ легко можно догадаться, что хозяинъ этой избы занимался рыбной ловлей.

Изъ окна, подъ которымъ сидѣлъ рыбакъ, глядѣла на него съ улыбкой крестьянка, красивой и чрезвычайно пріятной наружности.

— Смотри, хозяйка, сказалъ рыбакъ женѣ своей, поднявъ ребенка, который протягивалъ пухленькiя ручонки къ матери: смотри, какой у насъ Миша будетъ молодецъ!

Мать молча обняла и поцаловала малютку.

— Онъ будетъ славный рыбакъ!—продолжалъ отецъ:—я его съ-молоду пріучу къ волнамъ и вѣтру; съ молоду пріучу его править парусами или весломъ;—повѣрь, жена, онъ будетъ у насъ первый рыбакъ во всей волости!

— Кто знаетъ, Василій!—отвѣчала жена вздохнувъ:—мы всѣ подъ Богомъ! Къ чему его Господь поведетъ, тѣмъ ему и быть.

— Да чѣмъ же ему и быть, какъ не рыбакомъ? Я самъ, отецъ мой, дѣдъ и прадѣдъ, всѣ были рыбаки, и—слава тебѣ Господи!—нужды не знали, да и не знаемъ, сказалъ Василій.

— Оно такъ, возразила жена: да все-таки, это ремесло невѣрное....

— Полно, жена!

— Послушай, Василій, ласково сказала ему жена: пусть будетъ нашъ Миша

и рыбакомъ, да почету ему большаго никогда не будетъ, если мы его ничему не научимъ... Надо его выучить грамотѣ....

— Что же ему, дьячкомъ, что-ли быть?

— Не то ты говоришь, Василій; вотъ хоть бы, примѣромъ сказать, ты самъ: мужикъ умный, работящій, зажиточный, а вѣдь не выбрали же тебя ни въ старосты, ни въ сотскіе; а все потому, что грамотѣ не знаешь.

— Больше почету, больше хлопотъ! отвѣчалъ Василій: ну, да ужь ладно, вы бабы только за почетомъ гонитесь; вамъ хоть, нечего ѣсть, да была бы честь.... грамотѣ-то мы выучимъ Мишу, однако все-таки онъ будетъ рыбакомъ!

И съ послѣдними словами, которыя Василій произнесъ твердо, онъ всталъ, передалъ сына женѣ, и отправился осматривать сѣти.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ рас-

полагаетъ..... Твердо было намѣреніе Василія, но онъ забывалъ, что есть высшая воля, премудрая и обширная, управляющая не только всѣмъ міромъ вообще, но и судьбою каждой былинки этого міра!...

Время течетъ скоро, годы идутъ за годами. Миша не обманулъ надеждъ отца—онъ росъ молодцомъ и умницей. Когда ему минуло семь лѣтъ, Василій, отецъ его, пошелъ къ дьячку съ поклономъ, и попросилъ взять Мишу въ науку для обученія грамотѣ.

Прошло еще три года, и Мишѣ болѣе нечему было учиться у дьячка: ученикъ былъ также ученъ, какъ и учитель.

Около того времени, у избы Василья была особенная суматоха. Жена его укладывала въ корзину разную провизію. Батраки, т. е. работники, спускали лодки на воду, укладывали сѣти; самъ Василій ходилъ отъ одного къ другому, поощряя всѣхъ словомъ и дѣломъ.

Рыбаки собирались на промыслъ.

Когда все было приготовлено, Василій отыскалъ Мишу, который сидѣлъ въ углу, и въ десятый, можетъ-быть, разъ перечитывалъ старинную славянскую, церковную книгу. Рыбакъ взялъ сына за руку, подвелъ его къ женѣ, и сказалъ:

— Ну, жена, благослови-ка Мишу, онъ подросъ, и теперь, кажись, ему пора въ работу.

— Куда его въ работу, отвѣчала мать, нѣсколько встревоженная, вѣдь онъ еще слишкомъ молодъ; дай срокъ—подростетъ, тогда съ Богомъ!.... Ее тревожила мысль объ опасностяхъ, которымъ любезный ея Мишенька будетъ подвергаться.

— Что за молодъ? возразилъ отецъ; вѣдь ему минуло уже десять лѣтъ; нѣтъ! какъ хочешь, жена, а ему пора за работу, а то, что онъ безъ дѣла шатается....

— Не грѣхъ ли тебѣ это говорить?

Сидитъ ли нашъ Миша безъ дѣла? Развѣ не выучился онъ грамотѣ у приходскаго дьячка, такъ, что читаетъ теперь лучше учителя своего? Вѣдь онъ почти наизустъ знаетъ всѣ книги, которыя ему попадались въ руки....

— Да какой прокъ въ книгахъ? отвѣчалъ, нѣсколько разсердившись, Василій:—выучился по складамъ разбирать, писать, да считать, и слава Богу! будетъ съ него! Къ чему ему вся эта премудрость? Я ужъ тебѣ не разъ говорилъ, что ему не дьячкомъ же быть? По моему бы поменьше читалъ, да принялся-бы за дѣло.... Какъ хочешь, жена, а мы ѣдемъ теперь на промыслъ къ Бѣлому-морю, и я возьму Мишу съ собой, а не то, пожалуй, онъ совсѣмъ избалуется безъ дѣла!

— Помилуй, кормилецъ, вскричала испуганная мать: ты возьмешь его съ собой къ Бѣлому-морю? Какъ же это можно тащить въ такую даль ребенка....

да онъ, бѣдняжка, и не снесетъ, захвораетъ.... Родимый ты мой, вѣдь Мишенька у насъ одинъ сынъ, а ты уморить его хочешь!

— Полно, жена, Миша у насъ, слава Богу, силенъ и здоровъ; что ему сдѣлается? Притомъ же надо когда-нибудь начать, такъ лучше рано, нежели поздно!

Жена хотѣла еще что-то сказать, но Василій былъ твердъ въ своемъ намѣреніи, и не давъ ей выговорить слова, проговорилъ:

— Онъ поѣдетъ, и дѣло съ концомъ!

Бѣдная мать знала, что когда мужъ ея что-нибудь захочетъ, то ужъ не собьешь его, а потому замолчала и со слезами на глазахъ смотрѣла на Мишу.

Наконецъ настала минута разлуки... крѣпко обнимала мать любезнаго сынка своего... ей казалось, что она никогда болѣе съ нимъ не увидится.... мальчикъ утѣшалъ ее...

— Не плачь, родимая, говорилъ онъ,

утирая слезы матери: я вѣдь недолго буду; мы съ тятей много—много рыбы наловимъ.... привеземъ къ тебѣ, и ты сваришь намъ уху! А вѣдь ты на это мастерица!... Ну, полно же плакать!

А мать все крѣпче и крѣпче прижимала его къ сердцу своему, потомъ благословила, сотворила надъ нимъ молитву, еще разъ поцаловала и посадила въ лодку....

Рыбаки отплыли....

Долго стояла опечаленная мать на берегу, и смотря вслѣдъ за отплывавшими, горько плакала.... Быстро летѣла лодка на широкихъ парусахъ, оставляя по себѣ полосу, медленно сглаживавшуюся.... бѣлый парусъ виднѣлся еще вдали, но и тотъ вскорѣ исчезъ....

Только тогда мать Миши воротилась домой...

Лодка быстро неслась. Василій самъ правилъ парусомъ. Миша сидѣлъ задумчивъ на одномъ краю лодки—онъ думалъ объ матери, съ которою только что раз-

стался. Наконецъ Василій прервалъ молчаніе, и обратившись къ сыну, сказалъ:

— Что загрустился, Миша? Полно, вѣдь мы ѣдемъ только на недѣльку, много на двѣ; такъ чего-жъ тутъ?.... Будь же повеселѣй, а то, право, смотришь такой бабой!

Миша поднялъ голову, улыбнулся отцу, и тогда только сталъ осматриваться. Прежде всего взоръ его обратился въ ту сторону, откуда они уѣхали; онъ надѣялся еще увидѣть мать свою... но нѣтъ! Земля исчезла уже у нихъ изъ виду, только вдали виднѣлась синяя полоса....

— Ахъ, тятя! вскричалъ наконецъ Миша, какъ бы невольно: ахъ, какъ прекрасно!

— Что прекрасно? спросилъ отецъ.

— А вотъ облака вокругъ заходящаго солнышка! Экъ горитъ, глядѣть больно! Посмотри, вонъ то облачко какое сизенькое, тамъ другое красненькое, а вотъ поближе къ солнцу, тамъ словно жаръ горитъ!

— Эка невидаль какая! сказалъ одинъ изъ батраковъ: да гдѣ же ты тутъ видишь сизенькое, да красненькое? По моему такъ къ-низу все желто, а къ верху синё!

Миша, нахмуривъ брови, посмотрѣлъ на него; но неудовольствіе его было непродолжительно, красота природы вскорѣ опять овладѣла всѣмъ вниманіемъ его:

— А тутъ — гляди, гляди, тятя! какими яркими, свѣтлыми звѣздочками отсвѣчивается въ волнахъ ясное солнышко.... Ахъ! какъ все это прекрасно Господомъ создано!....

— Вишь, сказалъ смѣясь отецъ: тотчасъ видно, что разныхъ книжекъ начитался; вѣстимо, что все хорошо создано, да чего жъ ты ротъ разинулъ, будто въ первый разъ все это видишь? Чего ты безпрестанно ахъ да ахъ!

Хотя Михайло былъ еще очень молодъ, но Господь даровалъ ему особенный умъ; ему самимъ Небомъ была уже назначена дорога, по которой онъ

долженъ былъ идти, а потому ему больно было слышать слова отца. Онъ радовался отъ души, потому-что душа его создана была къ тому, чтобы понимать и любить все прекрасное въ природѣ, а отецъ, родной отецъ его, говорилъ, что онъ книжекъ начитался! Онъ восхищался величіемъ Всевышняго, проявлявшимся въ дѣяніяхъ Его, а его не понимали, надъ нимъ даже смѣялись! Это оскорбило Мишу, и онъ рѣшился любоваться природой молча, чтобы не слышать грубыхъ замѣчаній.

Но тогда насмѣшки удвоились. Работники отца его никакъ не могли постигнуть, зачѣмъ онъ иногда по цѣлымъ часамъ засматривался на небо, на воду, или любовался деревомъ, кустарникомъ, даже листочкомъ. Если бы Василій зналъ, какъ горьки были Мишѣ эти насмѣшки, то, вѣрно, запретилъ бы ихъ.

Рыбаки наши послѣ нѣсколькихъ дней довольно успѣшной рыбной ловли оста-

новились переночевать на маленькомъ островкѣ, потому-что Василій, какъ человѣкъ опытный и бывалый, предсказывалъ сильную бурю. Въ недальнемъ разстояніи отъ берега, подъ защитой частаго кустарника, былъ раскинутъ шалашъ: тамъ рыбаки наши развели огонь, поужинали и улеглись спать.

Не-смотря на всѣ признаки приближавшейся бури, здоровые и усталые работники вскорѣ захрапѣли.... одинъ Миша не могъ уснуть....

Онъ слышалъ вой вѣтра, слышалъ далекіе раскаты грома; сердце его сжималось невольнымъ страхомъ, но несмотря на то, онъ не могъ преодолѣть желанія поближе посмотрѣть на картину страшной бури. Онъ не вытерпѣлъ, потихоньку всталъ и вышелъ на чистый воздухъ....

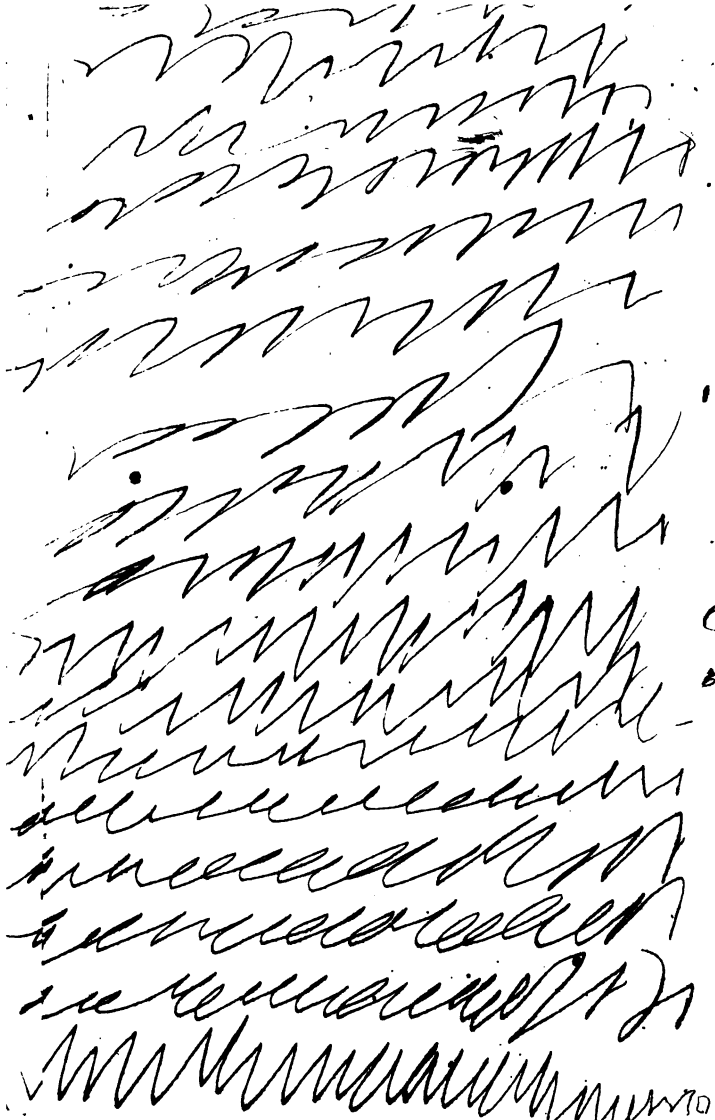
Невозможно описать, что чувствовалъ Миша, когда взглянулъ на море, по которому пѣнились громадныя волны,

который, далеко набѣжавъ на берегъ, разстилались широкою, черною пеленою или, ударяясь о камни береговые, разсыпались въ мелкія брызги!.... Какъ радовался онъ, когда вдругъ свѣтлая молнія, вылетавшая изъ черныхъ тучъ, на минуту освѣщала море... ему пріятны былъ свистъ, вой вѣтра и страшные раскаты грома!.. Во всемъ этомъ ему видѣлось и слышалось что-то особенное, необыкновенное, чего онъ своимъ необразованнымъ умомъ не понималъ, но что чувствовалъ всею душою...

Невольно преклонилъ онъ колѣна предъ величіемъ и всемогуществомъ Того, Кому и молнія и громъ повиновались... и сотворилъ тихую молитву!

Таковъ былъ десятилѣтній Михаилъ Ломоносовъ—сынъ простаго рыбака!

Наловивъ множество всякой рыбы, Василій сталъ думать о возвращеніи домой. Михайло былъ внѣ себя отъ радости, при мысли о свиданіи съ лю-



бимой матерью; онъ впервые разлучился съ нею, и двѣ недѣли разлуки казались ему вѣчностью.... но увы! радость его была непродолжительна .... дома ожидало его горе и тоска... онъ засталъ добрую мать свою въ сильной горячкѣ!

Во–первыхъ, большая помощь и не могла быть подана больной; а во–вторыхъ, состояніе ея было такъ опасно, что никакая человѣческая сила не могла уже спасти ее!...

Прошло девять тяжкихъ, горестныхъ дней. На десятый больная простилась съ мужемъ, благословила милаго сына, и душа ея отлетѣла въ другой, лучшій міръ!

Михайло былъ неутѣшенъ.

Онъ просиживалъ цѣлые дни на могилѣ родимой, украшенной простымъ чернымъ деревяннымъ крестомъ, съ бѣлою надписью; тамъ онъ горько плакалъ, забывая обѣдъ, ужинъ, даже любимыя книги свои. Наконецъ Василій, также крѣпко горевавшій о потерѣ же–

ны, замѣтивъ, что Миша худѣетъ и хвораетъ, запретилъ ему ходить на могилу.

Михайло, какъ добрый сынъ, повиновался, но чтобы разсѣяться, ревностнѣе принялся за ученіе, которое состояло въ томъ, что онъ безпрестанно перечитывалъ церковныя книги. Отецъ только пожималъ плечами, но такъ какъ послѣ смерти жены, онъ еще крѣпчѣ полюбилъ Мишу, то ему трудно было отнять отъ него книги.

Однажды, одинъ богатый холмогорскій житель, Христофоръ Дудинъ, случайно проходя мимо избы Василія, замѣтилъ Мишу, прилежно перебиравшаго книгу. Такъ какъ умѣнье читать считалось въ то время большою рѣдкостію, то Дудинъ подошелъ къ мальчику, заставилъ его прочесть нѣсколько строкъ, и услышавъ, какъ Миша бойко прочелъ указанное, съ изумленіемъ погладилъ его по головѣ.

— Ай да молодецъ! сказалъ Дудинъ:

продолжай голубчикъ, читай больше, и умъ твой просвѣтится!

— Ахъ, отвѣчалъ Миша, и радъ бы читать, да нечего!

— Постой же, коли въ тебѣ такое желаніе, то завтра я пришлю тебѣ въ подарокъ пару книжонокъ. У меня ихъ много!

Миша такъ обрадовался, что чуть не бросился въ ноги благодѣтелю своему. Во всю слѣдующую ночь, онъ не могъ сомкнуть глазъ; ему все мерещились *новыя* книги, которыя обѣщалъ ему Дудинъ. Наступило утро; Миша ждетъ не дождется книгъ, но—о радость!—вотъ явился посланный Дудина.

— Гдѣ Михайло Ломоносовъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь!—отвѣчалъ мальчикъ,—и чуть не бросился на посланнаго, у котораго подъ мышкой было что-то завернутое въ бумагу.

— Вотъ тебѣ книги отъ Христофора Игнатьевича Дудина....

Какъ дрожали руки Миши, когда онъ развертывалъ бумагу!... но вотъ предъ нимъ открылись двѣ тощія книжонки, напечатанныя некрасивыми буквами на сѣрой, толстой, грубой бумагѣ; наружность этихъ книжекъ была такова, что въ нынѣшнее время отбила бы у всякаго охоту, не только прочесть, но и взять ихъ въ руки. Не-смотря на то, онѣ показались Мишѣ роскошнѣйшимъ изданіемъ!

Дрожащими отъ радости руками онъ раскрылъ книги—одна изъ нихъ была грамматика, другая арифметика.

Съ удивительнымъ прилежаніемъ принялся Михайло за ученіе этихъ двухъ наукъ, казавшихся ему верхомъ познаній человѣческихъ; но чѣмъ болѣе онъ учился и читалъ, чѣмъ болѣе обдумывалъ прочитанное, чѣмъ болѣе развивался природный умъ его, тѣмъ неудовлетворительнѣе были для него краткія и весьма плохія объясненія, находив-

шіяся въ этихъ книгахъ, и страсть его къ ученію со дня на день возрастала. Въ предисловіи къ грамматикѣ и въ самомъ объясненіи правилъ ея, Михайло встрѣчалъ частыя ссылки на латинскій языкъ. Онъ никогда не слыхивалъ объ этомъ языкѣ, а потому при первомъ случаѣ попросилъ объясненій у бывшаго учителя своего, дьячка.

— Латинскій языкъ, сирѣчь латынь,— толковалъ дьячокъ:—есть такой языкъ, которымъ, во время оно, говорилъ народъ, прозывавшійся Римлянами. Теперь же говорятъ симъ нарѣчіемъ единые ученые люди, и всякія книги на ономъ языкѣ есть.

— Всякія книги? спросилъ Михайло.

— Всякія, и все хорошія, отвѣчалъ съ важностью дьячокъ.

— А вы, Сидоръ Панкратьичъ, знаете говорить по-латыни?

— Маленько зналъ, да и то позабылъ.

— А трудно ему выучиться? спросилъ опять Миша.

— Великихъ затрудненій стоитъ. Притомъ же оному нарѣчію обучаютъ только въ Москвѣ бѣлокаменной, Кіевѣ святомъ, да въ Питербурхѣ нѣмецкомъ!

— А трудно туда попасть? съ грустію произнесъ Миша.

— Далеко кулику до Петрова-дни, замѣтилъ очень неутѣшительно Сидоръ Панкратьичъ.

II.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ

О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

—

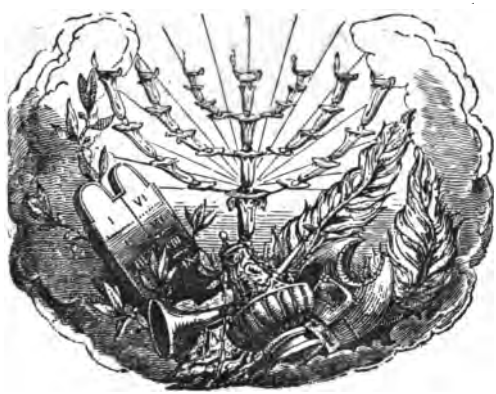
Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ!
Теряюсь мысльми утомленъ!

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множества свѣтовъ
Несчетны солнца тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;

Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, Натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мечутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день ступилъ!
. . . . . .



Михаилу минуло пятнадцать лѣтъ. Ни время, ни занятія, ни что не могло заглушить въ немъ двухъ мыслей, вполнѣ овладѣвшихъ имъ. Мысли эти были: Москва и латинскій языкъ! Ему опротивѣло ремесло рыбака.... онъ былъ рожденъ не для тѣлеснаго, а для умственнаго труда, слѣдовательно, въ кругу своихъ, между рыбаками, онъ жилъ какъ бы въ пустынѣ.... никто не понималъ, никто не могъ понять его, а

потому онъ прослылъ между своими большимъ лентяемъ.

Грустно было бѣдняку, но ему стало еще грустнѣе, онъ сдѣлался еще несчастнѣе, когда узналъ, что отецъ намѣренъ опять жениться, и что выбралъ уже себѣ въ жены дѣвушку, которая по всей деревнѣ слыла глупою, злою и бранчивою.

Василій женился. Горько было Мишѣ называть матерью другую женщину послѣ той, которая дала ему жизнь, и, которая такъ нѣжно любила его, но онъ долженъ былъ покориться, изъ уваженія къ отцу.

Первый годъ женитьбы Василія прошелъ довольно спокойно, но на второй жена взяла надъ ними такую власть, что онъ слѣлался почти рабомъ ея. Но еще болѣе и чаще нападала она на бѣднаго Мишу.

— Что ты смотришь сквозь пальцы на этого большаго болвана, говорила

она Василію: смотри, какъ онъ выросъ, а все за книжками сидитъ, да листы перевертываетъ, да время по напрасну убиваетъ! Кабы онъ поменьше за азами сидѣлъ, да занялся бы дѣломъ, такъ тебѣ полегче было-бъ; кто жъ тебѣ и помощникъ, какъ не родной сынъ!

— Она вѣдь правду говоритъ,—говаривалъ отецъ Михайлу:—что ты все за книгами сидишь?... вѣдь это просто бездѣлье; брось ихъ, голубчикъ....

— Ну ужъ глупъ ты, Василій, сердито кричала жена: упрашиваетъ еще! А по моему такъ поколотилъ бы его, да книги въ огонь побросалъ!

Михайло невольно схватилъ драгоцѣнныя книги свои и крѣпко прижалъ ихъ къ себѣ.

Мачиха ворча ушла изъ избы. Василій молчалъ.

Чѣмъ болѣе страдалъ Михайло отъ бранчивой, сердитой мачихи, тѣмъ драгоцѣннѣе были для него тѣ минуты,

когда онъ оставался одинъ съ любезными книгами своими, тѣмъ болѣе усиливалось желаніе его учиться. Давно уже собирался онъ просить отца, чтобы отпустилъ его въ Москву, но не рѣшался.... Теперь же минута казалась ему удобною.... онъ былъ одинъ съ отцомъ.....

Опустивъ голову, Михайло тихо подошелъ къ отцу, всталъ предъ нимъ на колѣни, поклонился въ ноги, и дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Родимый! Выслушай прошеніе мое, а потомъ рѣши, быть мнѣ счастливымъ или нѣтъ?...

— Что ты, Миша? не провинился ли въ чемъ? спросилъ съ безпокойствомъ отецъ.

— Можетъ и провинился, что задумалъ такую вещь.... но что дѣлать? Надо же наконецъ сказать тебѣ всю правду....

— Что-жъ тебѣ надобно?

— Батюшка, благослови, да отпусти

въ Москву на ученье!... произнесъ Михайло съ усиліемъ.

— Что ты! вскричалъ отецъ, всплеснувъ руками: вишь еще что задумалъ!... Въ Москву, и зачѣмъ? На ученье!... Въ такую даль и за дѣломъ пустымъ и ненужнымъ! Поди, поди, Богъ съ тобой! Я и слышать не хочу!

Михайло все еще стоялъ на колѣняхъ передъ отцомъ, и простирая къ нему руки, продолжалъ умоляющимъ голосомъ:

— Родимый, охота пуще неволи! Я буду учиться по днямъ и по ночамъ, пойму мудрость науки и, можетъ-быть, со-временемъ....

— Что со-временемъ? Поймешь мудрость, науки, а что въ томъ проку? Полно вздоръ молоть, Мишка, не въ свои сани не садись! Ступай-ка лучше чинить сѣти; весной мы опять поѣдемъ на нашъ промыслъ, который вѣрнѣе и лучше всякихъ книжныхъ наукъ!

— Воля твоя, батюшка! а мнѣ опротивѣлъ твой промыслъ, и только ученіе....

— Негодный! вскричалъ съ гнѣвомъ вскочивъ отецъ: ты смѣешь говорить, что мой промыслъ тебѣ опротивѣлъ? Промыслъ, съ помощію котораго я нажилъ себѣ, благодаря Создателю, порядочный кусокъ хлѣба, промыслъ, которымъ занимался дѣдъ и прадѣдъ твой! А ты, мальчишка, молокососъ, смѣешь говорить, что онъ тебѣ опротивѣлъ! Да какъ у тебя языкъ повернулся, чтобы это вымолвить!... А все глупыя книжки виноваты; яжъ ихъ приберу къ рукамъ; смотри, выкинь дурь изъ головы, и примись за дѣло, а не то вѣдь и въ-самомъ-дѣлѣ..... Тутъ онъ погрозилъ ему кулакомъ.

Что оставалось бѣдному Михаилу? Молчать и страдать! Противъ воли и власти отца идти нельзя. Ручьями полились слезы изъ глазъ его, тяжелая грусть-тоска запала въ сердце, пропала

вся надежда!... Въ избѣ бѣдному Михайлу стало душно, онъ вышелъ на чистый воздухъ.

Морозъ былъ сильный. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами молодаго крестьянина, который, не чувствуя холода и на минуту забывъ горе свое, смотрѣлъ какъ серебряная луна бросала по бѣлому снѣгу нѣжный свѣтъ.... онъ любовался легонькими облачками, которыя то перерѣзывали, то совсѣмъ закрывали луну.... бѣлая степь простиралась въ безконечность, сливаясь съ темно-синимъ сводомъ небеснымъ....

Долго и въ задумчивости смотрѣлъ Михайло на дивную картину сѣверной, зимней природы.... вдругъ на горизонтѣ появилась слабая полоса свѣта, которая быстро распространялась по темному своду, становясь на горизонтѣ все ярче и свѣтлѣе.... вскорѣ свѣтъ огромнымъ полукружіемъ обхватилъ всю сѣверную

часть неба.... померкли блѣдныя звѣзды въ мрачной и холодной безднѣ неба.... потускнѣла даже луна.... вся природа покрылась яркимъ розовымъ свѣтомъ....

Это было сѣверное сіяніе!

Молча и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ Михайло на это чудо сѣвера. Все вокругъ него было тихо.... и только когда яркіе лучи свѣта стали мало-по-малу блѣднѣть и наконецъ совсѣмъ угасли, онъ вспомнилъ о томъ, что дома его, можетъ-быть, опять ждутъ выговоры и брань!.... Тихими шагами и задумчиво пошелъ онъ домой.

Воротившись въ избу, онъ увидѣлъ, что отецъ и мачиха его уже отъужинали. Василій сердито посмотрѣлъ на сына, а по лицу мачихи видно было, что въ отсутствіи Михайлы она успѣла многое наговорить на него.

— Гдѣ ты опять шатался? сердито спросилъ Василій.

— Изволитъ прогуливаться! подхватила мачиха: вишъ баринъ какой! мало ему стало бродить цѣлый день, такъ онъ и ночью нивѣсть гдѣ таскается; домой приходитъ только тогда, когда проголодается, да и то не въ пору!.... Ну, Василій, послушайся ты словъ моихъ, проучи лѣнтяя, а то отъ него проку не будетъ!.... Самъ послѣ наплачешься!

— Полно тебѣ браниться!.... съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Михайло, выведенный изъ терпѣнія: по твоимъ словамъ, право подумать можно, что я разбойникъ какой-нибудь!... Ну прозѣвалъ, такъ не давай мнѣ ѣсть, я и такъ спать пойду!

— Ахъ ты бродяга! вскричала съ гнѣвомъ мачиха, и тяжеловѣсною рукою ударила Михайлу по лицу. Еще разговаривать смѣешь!

Кровь бросилась юношѣ въ голову; сердце его сильно забилось, кулаки

сжались.... но онъ удержался, вспомнивъ, что она жена отца, котораго онъ любилъ и уважалъ.

— Батюшка! произнесъ Михайло тихимъ, дрожащимъ голосомъ, обратившись къ Василію: если я виноватъ, накажи ты меня, но не вели ей безвинно обижать меня.

— Безвинно! вскричала злая баба, и стала осыпать Михайлу оскорбительнѣйшими ругательствами :—безвинно! дай же я тебѣ еще прибавлю! и сжавъ кулаки она опять хотѣла броситься на него, но мужъ удержалъ ее. Отцовское сердце заговорило въ немъ.

— Стой, баба! вскричалъ онъ ей строгимъ голосомъ: не тронь! Если Мишка провинился, то мнѣ наказывать его, а не тебѣ.... ты ему не родная; а коли онъ невиненъ, такъ мнѣ же слѣдуетъ защищать его—а потому, я приказываю тебѣ не обижать его.

— Ты мнѣ приказываешь! кричала баба, уперевъ кулаки въ бока:—что ты мнѣ за начальникъ? Да я тебя слушаться не стану и изобью этого мальчишку....

— Молчать! вскричалъ Василій громовымъ голосомъ и сильно ударилъ кулакомъ по столу, такъ что неубранная еще посуда запрыгала на немъ.

Мачиха прикусила губы, бросила на Михайлу злобный, ядовитый взглядъ и ушла, проворчавъ:

— Ужъ я тебѣ отплачу! Погоди ты у меня!...

Но не суждено ей было болѣе мучить его....

Всѣ спали, одинъ Михайло не могъ сомкнуть глазъ, и горько плакалъ. Онъ вспоминалъ о родной матери своей. Обиды, причиняемыя ему каждый день мачихой, болѣе и болѣе огорчали его, но тягостнѣе всего была для него та мысль, что онъ долженъ будетъ заглу-

шить въ душѣ своей страсть къ ученію, къ познанію чудесъ природы, чтобы продолжать промыслъ отца!...

Онъ былъ близокъ къ отчаянію, когда вдругъ въ голову его запала мысль бѣжать изъ дому родительскаго.... Но какъ? Кто укажетъ ему дорогу? Въ состояніи ли онъ будетъ идти пѣшкомъ, въ холодную зиму? А гдѣ найти товарищей, которые бы знали дорогу въ Москву?... Тогда Михайло вспомнилъ о московскихъ торговцахъ, пріѣзжавшихъ къ отцу его за покупкой рыбы. Утромъ того дня они уѣхали, и не могли еще далеко уйти, такъ, что ему возможно было догнать ихъ... но тутъ онъ опять вспомнилъ объ отцѣ... горько было ему оставить его, и оставить какъ преступнику, безъ его согласія, безъ его благословенія.... только мысль возвратиться со-временемъ съ честью въ домъ родителя, утѣшить старость его успѣхами

своими въ наукахъ, помогла ему перенесть тяжкую разлуку.

Онъ рѣшился... тихонько слезъ съ полатей, босикомъ пробрался къ тому мѣсту, гдѣ спалъ отецъ.... Михайло весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.... его бросало то въ жаръ, то въ холодъ... наконецъ, онъ легонько приложился къ рукѣ отца, и всталъ какъ бы подъ благословеніе.... усердно помолился иконамъ, предъ которыми въ углу теплилась лампада, и пошелъ къ двери.... дрожащею рукою снялъ крючокъ, и хотѣлъ уже переступить за порогъ—какъ вдругъ любимый чорный котъ его выскочилъ изъ-за угла, и какъ бы хотѣлъ преградить ему дорогу.... Михайло погладилъ его, бросилъ послѣдній прощальный взглядъ въ избу, и ступилъ за порогъ.... Морозъ былъ сильный, но онъ не чувствовалъ его.... онъ весь горѣлъ....

Собаки было залаяли, но узнавъ Михайлу, притихли, лизали руки его, вертѣлись около него, и ласками своими какъ бы упрашивали его воротиться домой.... но молодой сынъ рыбака упалъ на колѣни, еще разъ помолился Тому, Кто управляетъ жизнью и всѣми дѣйствіями нашими—и не оглядываясь, побѣжалъ по дорогѣ, по которой уѣхали купцы московскіе!....

III.

МОСКВА.

ОДА,

ВЫБРАННАЯ ИЗЪ Іова; ГЛАВА 38, 39, 40 и 41.

—

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рѣкъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь и градъ блистая,
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ,
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою!
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величіе вѣщали,
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
. . . . . .

Холодная зима на Руси, а особенно на самомъ сѣверѣ ея, не диво; но въ 1728 году она была до того жестока, что не рѣдко путешественники отмораживали себѣ лица, бѣдныя птички на лету падали мертвыя, а голодные волки смѣло подходили даже къ жилищамъ, и унылымъ воемъ наводили страхъ на жителей.

Въ одно свѣтлое утро зимы 1728 года, когда солнышко, высоко поднявъ-

шееся надъ землею, покрыло нѣжно-желтымъ свѣтомъ поляны, и осыпало милліонами алмазовъ и искръ иней, покрывавшій деревья, — по дорогѣ изъ Холмогоръ въ Москву, тянулись обозы съ замороженною рыбой. Нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ овчинные тулупы и въ мѣховыхъ рукавицахъ, шли возлѣ обозовъ, припрыгивая, помахивая руками и изрѣдка покрикивая на лошадей, шерсть которыхъ была покрыта инеемъ какъ бы пухомъ.

У послѣдняго воза, возлѣ извощика шелъ обозный прикащикъ; они о чемъ-то разговаривали, и почти не замѣтили, какъ къ нимъ приблизился молодой парень, лѣтъ семнадцати, пріятной наружности, высокій, стройный; онъ дрожалъ отъ холода, потому-что былъ одѣтъ совсѣмъ не по дорожному; на немъ былъ одинъ нагольный тулупъ: на головѣ его была старая шапка; на ногахъ сверхъ онучь, надѣты коты; онъ

не былъ даже опоясанъ. Только когда онъ молча прошелъ нѣсколько шаговъ возлѣ воза, прикащикъ замѣтилъ парня.

— Что, братъ, тебѣ надо? спросилъ онъ его.

— Мнѣ? ничего, отвѣчалъ робко молодой человѣкъ.

— Какъ ничего! Да куда ты идешь?

— Въ Москву.

— Въ Москву? протяжно и съ изумленіемъ повторилъ прикащикъ, осматривая парня съ ногъ до головы: далеконько, братъ! Притомъ же ты по лѣтнему одѣтъ. Откуда ты?

— Изъ Холмогоръ. Вы, чай, и батюшку моего знаете.

— Мало ли мы кого знаемъ! А какъ зовутъ отца твоего?

— Васильемъ Ломоносовымъ.

— Какъ не знать! Кажись, теперь я и тебя припоминаю; ты помогалъ намъ нагружать рыбу.

— Помогалъ.

— Ну, вишъ ли у меня память какая. Да зачѣмъ же ты идешь въ Москву, и какъ дойдешь туда?

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать; только позвольте идти съ вами!

— Въ своемъ ли ты умѣ! Что тебѣ за надобность въ Москвѣ? Отецъ что ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?

— Да.... такъ.... хочется посмотрѣть на бѣлокаменную....

— Эге, братъ! такъ ты, видно, убѣжалъ отъ отца!

— Сказать правду, такъ убѣжалъ.... только не за худымъ дѣломъ....

— Толкуй! Знаемъ мы васъ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый шалунъ. Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то я тебя....

— Ваша милость!.... не гоните меня! право, я заслужу вамъ.

— Пошелъ ты! Не надо мнѣ твоихъ услугъ — пошелъ!... закричалъ грозно прикащикъ, и хотѣлъ уже поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, но замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

— А это что у тебя подъ мышкой?

— Это.... это я взялъ съ собою....

— Вижу, что ты это взялъ съ собою, а по просту сказать, укралъ!.... Ну говори: что у тебя въ узелкѣ?

— Господинъ купецъ, я не укралъ этого, потому-что это мое добро, подаренное мнѣ добрыми людьми.

— Ахъ ты деревенщина!.... Знаемъ мы, какъ васъ дарятъ! Видно изъ отцовскаго сундучка стянулъ!

У молодаго парня выступили слезы на глазахъ — не морозъ, а оскорбленіе выжало ихъ. Онъ остановился, и не говоря ни слова, въ недоумѣ-

ніи глядѣлъ на прикащика, который продожалъ:

— Ну? не правду-ли я говорилъ, что ты воришка? Вишъ какъ оторопѣлъ!

— Оторопѣлъ отъ твоихъ словъ, господинъ купецъ! Я воръ! я стану обкрадывать отца!... Господи, Боже мой!... Съ этими словами онъ зарыдалъ, и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

— На, посмотри, что̀ я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы!

Прикащикъ поднялъ узелокъ, осторожно развернулъ его и съ изумленіемъ вскрикнулъ:

— Что̀ это? Книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.

— Да я и не возьму за нихъ тысячу рублей! Эти книги мнѣ дороже всѣхъ твоихъ обозовъ.... Ты смѣешься? Нѣтъ,

я правду говорю! Видно онѣ милы мнѣ, коли я для нихъ оставилъ отца и родимую сторону!....

— Чудно!... пробормоталъ прикащикъ. Ну, пойдемъ до перваго роздыха, а тамъ увидимъ.

Молодой человѣкъ опять завернулъ книги свои въ узелокъ, и прошелъ нѣсколько шаговъ возлѣ прикащика въ молчаніи. Наконецъ послѣдній заговорилъ снова:

— Теперь я вижу, что обидѣлъ тебя; однако я все-таки не могу понять, зачѣмъ ты идешь въ Москву?

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ, отвѣчалъ онъ: что со мной станется въ Москвѣ; но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ бы мнѣ хотѣлось, и не у кого спросить, о чемъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша

милость, выучился я грамотѣ, да ариѳметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву: тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища для всякаго, кто вздумаетъ учиться. Заговаривалъ я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смѣкнуть, чего я хочу, и началъ поносить всякія науки. Къ бѣдѣ моей прибавилось еще и то, что отъ мачихи покоя не было, я и рѣшился убѣжать, чтобы идти въ Москву учиться.

— Я, дружокъ, самъ человѣкъ, не хвастовски сказать, грамотный, отвѣчалъ съ важностію прикащикъ. Спросилъ бы ты у меня, такъ я бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужь теперь поздно: видно такъ Богу угодно!

— Богъ меня не оставитъ!—примолвилъ юноша съ увѣренностью. А позвольте спросить вашу милость: гдѣ вы обучались?

— Какъ гдѣ?.... у людей.... у духовныхъ. Гдѣ же нашему брату еще учиться. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячекъ; что же ты не учился у него?

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамоты ничего не знаетъ.

— А что же тебѣ еще надобно? Развѣ ты въ попы хочешь? или хочешь читать на нѣмецкихъ языкахъ?

— Да, мнѣ бы хотѣлось этого.

— Ого, дружище! такъ вотъ ты каковъ гусь!... Взялъ бы тебя да высѣкъ хорошенько, такъ дурь-то изъ головы и вышла бы. Въ нѣмецкіе языки пускаться!.... Вѣдь заберется же въ голову такая блажъ, прости меня Господи! Мужикъ косолапый, а задумалъ въ ученье!....

— Я думаю, г. купецъ, отвѣчалъ юноша, что ученымъ никто не родится, а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

— Да тебѣ-то что до ученья? На то есть дворянскіе дѣтки, да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя бумаги, да толковать государскіе законы, а другимъ, чтобы говорить проповѣди, да знать, что поютъ и читаютъ. А тебѣ на что такая ученость?

— Да я не такой учености хочу.... молодой человѣкъ не зналъ, какъ выразить свою мысль, хотя въ душѣ и понималъ, о чемъ говорилъ. Онъ по неволѣ остановился на неконченной рѣчи.

— Ну, что? То-то братъ! зналъ бы ты отцовскій неводъ да счетъ рыбѣ! А деньгу-то можно сосчитать и безъ московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня, который, потерявъ всю охоту спорить съ ученымъ сопутникомъ своимъ, молчалъ. Долго шли они въ

молчаніи, прерываемомъ только изрѣдка восклицаніями прикащика, въ родѣ слѣдующихъ:

— Экъ подумаешь!... Вишь выскочка какой!... Науки захотѣлось!... Э, э, эхъ, эхъ, эхъ!

Безъ особыхъ приключеній пріѣхали обозы на мѣсто роздыха. Все оживилось на постояломъ дворѣ, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ, и принялись за чашку горячихъ щей. Между тѣмъ, молодой парень, удалившись въ уголъ, вынулъ изъ кармана кусокъ сухаго хлѣба и хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого. Одинъ изъ мужиковъ, котораго лицо уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

— А что жъ ты, родимой, не поѣшь съ нами? Садись-ка благословясь!

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

— Садись, голубчикъ, садись! Отъ

хлѣба-соли не отнѣкиваются, прибавилъ прикащикъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ, и не отсталъ отъ нихъ.

— Ну вотъ, оно и повеселѣе! сказалъ одинъ изъ извощиковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми стѣнами.

— Да, вотъ, ребята!... началъ прикащикъ: малый идетъ въ Москву, Богъ его знаетъ зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. Возьмемъ, что-ли, его?

— Почто нѣтъ! отвѣчалъ одинъ извощикъ.

— Вѣстимо! пускай себѣ идетъ!—примолвилъ другой.

— Да я одинъ платить за него не буду, поспѣшилъ сказать прикащикъ.

— Ну, съ-обча заплатимъ! проговорилъ другой. Пожалуй, ты хоть не плати.

— Нѣтъ, и я съ вами!—сказалъ при-

кащикъ. Ну вотъ.... какъ тебя зовутъ, пріятель.... продолжалъ онъ.

— Михайломъ, отвѣчалъ юноша.

— Ну, вотъ, Михайло, теперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, братъ, все дорого; тамъ ищи себѣ хлѣба и пристанища гдѣ хочешь, тамъ за тебя мы не плательщики; слышишь?

Михайло поблагодарилъ своихъ сопутниковъ, какъ умѣлъ, за благодѣяніе.... Деревенскій обѣдъ на десятерыхъ стоилъ въ то время нѣсколько копѣекъ; слѣдовательно, Михайло не могъ стоить сопутникамъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копѣекъ. Но какъ важно было это для безпріютнаго, беззащитнаго бѣглеца изъ отеческаго дома! (*)

И такъ, на первый случай, Михайло

(*) Начало этой III-ей главы, до-сихъ-поръ, заимствовано, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ сочиненія Ксенофонта Алексѣевича Полеваго: «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ»—Томъ I.

обезпеченъ. Этотъ первый успѣхъ наполнилъ сердце его радостью и казался ему добрымъ предвѣстіемъ.—И почему-жъ бы ему не надѣяться? Вѣдь намѣренія его были чисты, благородны, и только за невозможностью прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, долженъ онъ былъ бѣжать изъ дома отеческаго. Съ полною, сладкою увѣренностію въ милость Божію, пустился Михайло въ дальній путь, помогая, гдѣ и въ чемъ только могъ, добрымъ извощикамъ, сжалившимся надъ нимъ.

Наконецъ обозы подъѣхали къ Москвѣ. День былъ прекрасный, и солнце освѣщало золотыя маковки великаго множества московскихъ церквей. Какъ описать то, что происходило въ умѣ и душѣ молодаго холмогорскаго рыбака, при видѣ всѣхъ чудесъ, открывшихся предъ глазами его—дивной, неподражаемой картиной? Его можно было сравнить со слѣпцомъ, который

бы внезапно получилъ зрѣніе посреди блестящаго, великолѣпнаго собранія, при свѣтѣ лампъ и люстръ!.... Прикащикъ, желая блеснуть знаніемъ Москвы, на каждомъ шагу объяснялъ Михайлѣ встрѣчавшіеся предметы, но юноша не слушалъ его.... другой голосъ, болѣе любимый имъ, голосъ внутренній, душевный, бесѣдовалъ съ нимъ о другихъ предметахъ....

Обозы остановились у постоялаго двора. Освободившись отъ докучливыхъ разсказовъ прикащика, Михайло нѣсколько отсталъ, но подойдя къ постоялому двору, онъ невольно вспомнилъ слова прикащика: «въ Москвѣ все дорого, тамъ ищи себѣ хлѣба и пристанища гдѣ хочешь!» — И вотъ онъ въ Москвѣ, между тысячами людей.... но ни одного знакомаго!.... Только тогда ему представился весь ужасъ его положенія! Куда дѣваться? гдѣ приклонить голову? Въ домѣ родительскомъ его пу-

гала одна отдаленность Москвы, но теперь онъ побѣдилъ это препятствіе, и тысяча новыхъ, болѣе устрашительныхъ препятствій возникли передъ нимъ, какъ грозные укорители!....

Ему стало грустно; сердце его крѣпко, крѣпко сжалось, и внутреннее предубѣжденіе заставляло его читать на лицахъ всѣхъ прохожихъ непріязнь, недоброжелательство! Михайло стоялъ въ тяжкомъ раздумьи, не трогаясь съ мѣста— какъ вдругъ, легкій ударъ по плечу заставилъ его вздрогнуть; онъ быстро оглянулся, и увидѣлъ предъ собою прикащика.

— Ну, что, братъ; вотъ ты и въ Москвѣ! Теперь куда ты думаешь?

— Не знаю, отвѣчалъ едва слышнымъ голосомъ юноша.

— Не знаешь? Вотъ то-то и есть! Не спросясь броду, не суйся въ воду! Сначала храбрился, а теперь притихъ! Ну,

да хорошо, что на меня напалъ. Я человѣкъ не злой, и при случаѣ совѣтъ съумѣю подать. Знаешь что?.... черезъ недѣльки полторы у насъ опять обозы пойдутъ въ Архангельскъ. До-тѣхъ-поръ ты какъ нибудь пробьешся, а тамъ, братъ, ступай опять домой, во свояси! Право, лучше будетъ!

Михайло съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, и отвѣчалъ съ твердостію:

— Нѣтъ, домой не пойду.

— Ну, какъ знаешь! Послѣ самъ раскаешься. А я, братъ, самъ человѣкъ семейный, я тебѣ помочь не могу.

— Я и такъ ужъ благодаренъ вашей милости. Авось Господь не оставитъ меня!

— Эй, Михайло, послушайся совѣта моего.....

— Домой я не пойду, отвѣчалъ рѣшительно юноша.

— Прощай, братъ! сказалъ прикащикъ, пожавъ плечами.

— Прощайте! отвѣчалъ печально Михайло, и крупныя слезы выкатились изъ глазъ его.

Прикащикъ, почесывая затылокъ, медленно пошелъ къ постоялому двору, но вскорѣ остановился, и опять вернулся къ Михайлѣ, на котораго смотрѣлъ нѣсколько минутъ въ молчаніи. По всему видно было, что сожалѣніе боролось въ немъ со скупостью.

— Куда жъ ты дѣнешься? спросилъ онъ наконецъ.

— А куда Богъ укажетъ. Поразспрошу людей.... отвѣчалъ утирая слезы Михайло.

— Ахъ ты, Господи мой! Нельзя жъ тебѣ оставаться на улицѣ!... Ну, что̀ дѣлать? Ступай пока со мною, а тамъ, можетъ быть, и придумаемъ что̀-нибудь....

— Милостивецъ, благодѣтель мой! Господь наградитъ васъ, но я не хочу быть вамъ въ тягость.... отвѣчалъ съ благодарностію Михайло.

— Не хочешь быть въ тягость, такъ зачѣмъ ушелъ отъ отца? А вѣдь мнѣ нельзя же тебя бросить одного въ большомъ городѣ.... чего добраго, еще пустишься на какое-нибудь худое дѣло. Да что̀ тутъ много разговаривать, ступай только за мною.

Господь неисповѣдимыми путями велъ избранника своего къ назначенной ему цѣли. Прикащикъ принялъ Михайлу къ себѣ въ домъ, и для собственной же пользы своей сталъ хлопотать, чтобы поскорѣе помѣстить его куда-нибудь. По счастію, у него былъ знакомый монахъ, которому онъ и разсказалъ все дѣло. Монахъ, которому понравилась наружность Михайла и желаніе его учиться, обѣщалъ употребить всѣ уси-

лія, чтобы помѣстить его въ Заиконоспасское-училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, и находившееся въ зданіяхъ монастыря, къ которому принадлежалъ монахъ.

Нѣсколько дней, казавшихся Михайлѣ вѣчностью, прошли. Наконецъ, монахъ пришелъ къ прикащику, велѣлъ позвать Михайлу, и объявилъ, что онъ говорилъ о немъ Ректору, и что тотъ велѣлъ представить себѣ молодаго Ломоносова. Михайло не зналъ, какъ благодарить благодѣтеля своего; въ немъ опять ожили надежды, опять онъ былъ веселъ и счастливъ!...

Михайло былъ представленъ Ректору. Послѣднему очень понравились открытый видъ, умные глаза и смѣтливость юноши, и онъ рѣшился принять его въ училище, не смотря на два важныя препятствія: первое то, что Михайло

былъ бѣглецъ, а второе, что въ училище не принимали крестьянскихъ дѣтей. Его записали дворяниномъ.

И такъ, сынъ рыбака достигъ цѣли, которой такъ пламенно домогался!... Онъ въ училищѣ. Кто можетъ усомниться въ томъ, что самъ Господь былъ защитникомъ и покровителемъ его?... Чему болѣе приписать то счастіе, съ которымъ онъ дошелъ до цѣли своей? Михайло Ломоносовъ ушелъ изъ дому отеческаго съ тою обманчивою надеждою, что люди поймутъ, примутъ и обласкаютъ его; но люди еще не поняли его, они только сжалились надъ нимъ, какъ надъ безпріютнымъ!... Все это приписывайте не случаю, но милости Всевышняго!..... Но, друзья мои, безъ вѣры, безъ сильной воли и увѣренности генія, и Ломоносовъ не пустился бы въ далекій, опасный путь, а еслибъ и пустился, то замерзъ бы на дорогѣ, не

нашелъ бы покровителей и заступниковъ и, вѣроятно, погибъ бы безвозвратно. Всѣ эти успѣхи принадлежатъ генію: только онъ преодолѣваетъ все!....

И такъ, Ломоносовъ поступилъ въ училище, которое, въ просторѣчіи, еще называлось Заиконоспасскимъ, между тѣмъ, какъ, по настоящему, оно именовалось *Московскою Славяно-Греко-Латинскою Академіею.*

IV.

УЧИЛИЩЕ.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ.

Между высокими, почернѣлыми отъ времени, стѣнами, на небольшой лужайкѣ, покрытой тощей, поблеклой, притоптанной травой, съ шумомъ и крикомъ рѣзвилась толпа мальчиковъ, оборванныхъ и запачканныхъ. Они были въ самыхъ разнородныхъ и пестрыхъ платьяхъ, съ прорванными локтями, съ заплатами — словомъ, походили на маленькихъ нищихъ; но это нисколько не мѣшало общему веселью: напротивъ при-

давало имъ болѣе свободы, потому что не нужно было бояться, что замараешь или изорвешь платье. Поодаль отъ шумной, прыгавшей толпы, ходилъ молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати, съ книгой въ рукахъ. Онъ читалъ съ большимъ вниманіемъ, прохаживаясь вдоль высокой стѣны. На немъ былъ тиковый халатъ, опоясанный ремнемъ. Этотъ юноша былъ Михайло Ломоносовъ. Между всѣми небогатыми товарищами своими, онъ былъ самый убогій. Почти у всѣхъ его товарищей были родственники или родители, которые снабжали ихъ одеждой и давали имъ иногда деньги на пищу, на бумагу, книги — и даже на лакомство; а онъ долженъ былъ довольствоваться однимъ жалованьемъ, которое составляло всего *алтынъ* (три копѣйки) въ день!... Изъ этой черезъ-чуръ скудной суммы, Михайло употреблялъ денежку на хлѣбъ и денежку на квасъ, остальные на бумагу, на обувь и другія

нужды. Посудите сами, друзья мои, и вы увидите, что необходима была сильная страсть къ ученію и геній, чтобы вытерпѣть всѣ эти лишенія и не упасть духомъ.

Михайло, какъ мы уже сказали, былъ погруженъ въ чтеніе, когда вдругъ, надъ самымъ ухомъ его, раздался пискливый голосъ, кричавшій:

— Посторонись, а не то сшибу съ ногъ!

— Я тебѣ не мѣшаю, отвѣчалъ Михайло, оглянувшись и увидѣвъ маленькаго мальчишку.

— Мѣшаешь! закричалъ дерзко маленькій товарищъ его: убирайся прочь! Мы хотимъ тутъ играть.

— Вамъ мѣста довольно.

— Не твое дѣло разсуждать, пошелъ прочь!

— Не пойду.

— Не пойдешъ! Ахъ ты болванъ долговязый!

— Что ты бранишься? спросилъ съ досадой Михайло.

— Хочу! отвѣчалъ мальчишка: хочу! Вѣдь тебѣ поди-ка будетъ лѣтъ за двадцать, а пришелъ еще азбучкѣ учиться!

— Оставь меня въ покоѣ, нетерпѣливо закричалъ Михайло, или тебѣ худо будетъ.

— Самому тебѣ худо будетъ! У, у, у! Мужикъ съ латынью возится! У! мужикъ, мужикъ!

Досада и грусть сжали сердце Ломоносова. Выведенный изъ терпѣнія, онъ бросился на дерзкаго мальчишку и схватилъ его за волосы. Громко и жалобно завизжалъ забіяка. Толпа другихъ школьниковъ приблизилась.

— Что это! кричали нѣкоторые: большой болванъ обижаетъ маленькаго; поколотимте его! Какъ онъ смѣетъ! Поколотимте мужика!

И съ шумомъ бросились на Михайлу; но воспитанный на сѣверномъ воздухѣ

юноша столь же крѣпкій тѣломъ, какъ и душою, успѣлъ уже стать въ оборонительное положеніе, и закричалъ:

— Я васъ не задѣвалъ—вы зачинщики, а потому я по-своему раздѣлаюсь съ первымъ, кто попадется мнѣ въ руки! Берегитесь!

Это восклицаніе и здоровые, крѣпкіе кулаки Михайлы остановили на минуту шумную толпу; однако замѣтивъ, что ихъ много, они разомъ бросились къ Ломоносову, который ловко схватилъ двухъ передовыхъ, отбросилъ ихъ на нѣсколько шаговъ и готовъ былъ уже приняться за другихъ; но толпа, столь же трусливая, какъ и задорная, разбѣжалась въ разныя стороны, и только издали осыпала бѣднаго *мужика* горькими насмѣшками.

Михайло употребилъ силу только потому, что насмѣшки товарищей наконецъ совершенно вывели его изъ терпѣнія. Однакожъ, вскорѣ замѣтивъ, что

чѣмъ болѣе онъ сердился, тѣмъ охотнѣе товарищи дразнили его, онъ рѣшился усмирить ихъ равнодушіемъ къ насмѣшкамъ, прилежаніемъ и успѣхами своими. Онъ и не ошибся. Это было, есть и будетъ всегда вѣрнѣйшее средство.

Успѣхи Ломоносова были быстры и удивительны. На екзаменахъ онъ всегда былъ первый, и скоро переходилъ изъ класса въ классъ. Онъ такъ хорошо познакомился съ латинскимъ языкомъ, который преимущественно преподавали въ Академіи, что сочинялъ даже латинскіе стихи, хотя очень плохіе, но не менѣе того доказывавшіе успѣхи его въ этомъ языкѣ. Онъ выпросилъ себѣ позволеніе рыться въ библіотекѣ училища, и въ то время, когда товарищи его бѣгали, ходили колесомъ, играли въ свайку или вертѣли кубарь, — онъ спѣшилъ въ уединенную библіотеку, разсматривалъ тамъ все новое для не-

го, и въ опредѣленную минуту являлся опять въ классъ.

Наконецъ въ 1732 году Ломоносовъ превосходно выдержалъ послѣдній экзаменъ. Онъ такъ отличился, такъ обрадовалъ всѣхъ добрыхъ наставниковъ своихъ, что его для усовершенствованія послали въ славившуюся тогда Кіевскую Академію.

Простился Ломоносовъ съ Москвой и отправился въ древній Кіевъ. Но увы! святое величіе этого города было почти разрушено временемъ. Не понравились Ломоносову, ни Академія, ни буйные ученики, ни пустословы-учители, и не прошло года, какъ онъ воротился въ Москву.

Тамъ онъ опять съ прежнимъ рвеніемъ принялся за науки, и въ особенности занялся русскимъ языкомъ, совершенно необработаннымъ и неимѣвшимъ тогда ни правилъ, ни законовъ. Въ 1735 году, изъ Петербургской

Академіи Наукъ, незадолго предъ тѣмъ основанной по мысли Петра Великаго, получено было въ Московской Заиконоспасской Академіи требованіе о высылкѣ лучшихъ учениковъ въ Петербургъ. Натурально, первый выборъ палъ на Михайлу Ломоносова, который съ восторгомъ услышалъ радостную для него вѣсть.

Сборовъ большихъ у него не было, а потому онъ былъ готовъ гораздо прежде другихъ товарищей, съ нимъ отправлявшихся. Одиноко помолившись еще разъ святымъ Угодникамъ московскимъ, онъ сѣлъ въ одну изъ приготовленныхъ тѣлегъ, и съ надеждой на Провидѣніе и на собственную твердую волю свою, поѣхалъ по дорогѣ къ столицѣ.

Ломоносовъ прибылъ въ Петербургъ послѣ кончины безсмертнаго основателя ея, Императора Петра Великаго; но слѣды мудраго преобразователя видны

были еще на всемъ и во всемъ, хотя Петербургъ былъ еще далеко не таковъ, какимъ мы видимъ его нынѣ. Ломоносовъ на все глядѣлъ съ восторгомъ юношеской души своей, и, можетъ-быть, тогда уже запала въ душу и умъ его искра славной поэмы: *Петръ Великій*, которую онъ написалъ впослѣдствіи.

Окончивъ курсъ въ Гимназіи, находившейся при Академіи, Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другимъ отличнымъ ученикомъ, Виноградовымъ, былъ назначенъ къ отсылкѣ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, къ которымъ и тотъ и другой прилагали особое стараніе, а именно въ химіи и горномъ дѣлѣ. Ломоносовъ еще прежде подружился съ Виноградовымъ, а потому крайне обрадовался, когда узналъ, что имъ назначено ѣхать вмѣстѣ.

V.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Одобреніе г. профессора Вольфа, на латинскомъ языкѣ писанное.

—

Молодой человѣкъ преимущественнаго остроумія, Михайло Ломоносовъ, съ того времени, какъ для ученія въ Марбургъ пріѣхалъ, прилежно математическія, философическія, а особливо физическія лекціи слушалъ, и чрезвычайно привязанъ былъ къ основательному ученію. Ежели впредь съ такимъ раченіемъ простираться будетъ, то не сомнѣваюсь, чтобы возвратясь въ Отечество не принесъ пользы; чего сердечно желаю.

Дано въ Марбургѣ 1739 года Іюля 20-го дня.

Христіанъ Вольфъ

Акад. Марбург. Проректоръ.

Сборы къ отъѣзду заняли на нѣсколько времени друзей. Имъ дали обширную инструкцію, въ которой было сказано, что Академія, отличая необыкновенныя способности и прилежаніе студентовъ Ломоносова и Виноградова, отправляетъ ихъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ математическихъ, въ физикѣ, химіи и металлургіи, къ славному въ ученомъ мірѣ философу и математику Христіану Вольфу; что они

отправляются, на счетъ Академіи, на первый случай, въ Марбургъ, мѣсто-пребываніе помянутаго ученаго; что послѣ *изрядного* обученія у Христіана Вольфа *имѣютъ* они ѣхать, по его совѣту, въ другія мѣста Германіи.

За этимъ слѣдовали наставленія касательно поведенія и бережливости: вести себя порядочно; въ проѣздъ черезъ Россію и иностранныя Государства вездѣ повиноваться мѣстному начальству; соблюдать уставы религіи и благонравія; трудиться и заниматься науками сколь возможно прилежнѣе и, наконецъ, никакъ не издерживать болѣе назначенной имъ на расходы суммы.

Въ торжественномъ собраніи Академіи была вручена молодымъ людямъ эта инструкція, съ приказаніемъ, не медля ѣхать на другой же день.

И такъ школьническая жизнь Ломоносова кончилась! Онъ почти уже достигъ цѣли, къ которой стремился, но,

не-смотря на то, сколько горестей, сколько тягостныхъ мученій долженъ онъ былъ еще претерпѣть.

Ломоносовъ за границей!.... Не представляйте, однакожъ, его себѣ, какъ рыбака, мужичка, внезапно перенесеннаго отъ сѣверныхъ льдовъ къ акуратно-обработаннымъ полямъ Германіи,—нѣтъ науки сблизили его уже съ просвѣщеннымъ міромъ, а профессоры Академіи, которые почти всѣ были Нѣмцы, съ Германіей. Ему крайне полюбилась мирная семейная жизнь Нѣмцовъ, языку которыхъ онъ скоро выучился съ врожденною въ немъ легкостью; нерѣдко онъ отдыхалъ отъ трудовъ въ кругу добрыхъ бюргеровъ, судилъ съ ними о разныхъ предметахъ, разсказывалъ чудеса про Россію, которымъ простодушные бюргеры, покачивая головами и попивая пиво, почти не вѣрили.

Но чудно началась жизнь Ломоносова, и такъ же чудно должна была продол-

жаться, пока судьба, всячески испытавъ его, не возвела, наконецъ, на ту степень величія и славы, которою увѣнчался могущественный геній его!...

Такъ точно, какъ онъ находилъ отраду въ бесѣдахъ съ мирными бюргерами, когда умъ его требовалъ отдыха, такъ точно пылкость характера, когда душа и сердце требовали сильныхъ ощущеній, увлекала его въ товарищество и связи съ буйными нѣмецкими студентами. Виноградовъ, болѣе хладнокровный и разсудительный, часто увѣщевалъ Ломоносова, но слова друга только раздражали его.

Виноградовъ и Ломоносовъ жили вмѣстѣ. Они нанимали небольшую квартирку у портнаго, добраго и честнаго Нѣмца, у котораго была одна только дочь, завѣдывавшая небольшимъ хозяйствомъ отца, любившаго ее всею душою. Ломоносовъ полюбилъ миловидную Христину, и не-смотря ни на сопротивленія

отца, ни на совѣты друзей, увлеченный неукротимымъ характеромъ своимъ—женился на ней.

Сначала они жили счастливо, потому-что еще незнакомы были съ нуждой. Ломоносовъ, не-смотря на предсказанія Виноградова, прилежно ходилъ слушать лекціи, и продолжалъ ревностно заниматься русскимъ языкомъ. Около того времени, онъ вдругъ узналъ о побѣдѣ, одержанной русскими войсками подъ Хотиномъ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Извѣстіе это сдѣлало на него впечатлѣніе радостное и сильное. Вдали отъ отечества, между чужестранцами, онъ еще болѣе обрадовался, что родился Русскимъ, и въ восторгѣ написалъ оду, изъ которой мы приводимъ нѣсколько примѣровъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ.
Въ долинѣ тишина глубокой,

Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.
. . . . . .

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ.
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой:
Коль Росская ужасна сила!
. . . . . .

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видимъ красоты
При семъ торжествованьи новомъ

Военныхъ не страшися бѣдъ:
Бѣжитъ оттуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ АННУ прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярясь, грызетъ
То наша радость презираетъ.

Казацкихъ поль за–Днѣстрской тать
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ;
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ,
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ;
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,

И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

Любовь Россіи, страхъ враговъ
Страны полночной Героиня,
Седьми пространныхъ морь береговъ
Надежда, радость и богиня,
Велика АННА, Ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и шедротъ,
Прости, что рабъ Твой къ громкой славѣ
Звучитъ, что крѣпость силъ Твоихъ
Придать дерзнулъ некрасный стихъ
Поддантства въ знакъ Твоей державѣ.

Ода эта была первымъ, истиннымъ стихотвореніемъ, правильнымъ и гармоническимъ, доказывающимъ гибкость и величіе Русскаго языка!... Ломоносовъ самъ внутренно былъ такъ доволенъ ею, что рѣшился послать ее въ Петербургъ; однакожъ не получилъ оттуда никакого отвѣта, между тѣмъ какъ она

была милостиво принята Императрицей и приводила всѣхъ въ восторгъ. О, еслибъ Ломоносовъ могъ узнать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ!...

Между тѣмъ, въ Марбургѣ дѣла его становились день-ото-дня хуже. Господь даровалъ ему дочь, слѣдовательно, увеличились и домашнія заботы. Жестокая бѣдность костлявой рукой своей постучалась къ нему въ дверь. Ломоносовъ и жена его нерѣдко терпѣли голодъ и жесточайшую нужду, и въ то же время долги ихъ увеличивались. Никто не хотѣлъ болѣе имъ вѣрить въ долгъ, и когда русскій студентъ сталъ мало-помалу продавать вещи свои, то заимодавцы приступили къ нему съ рѣшительными требованіями—и даже угрожали посадить въ тюрьму....

Заимодавцы не ограничились угрозами; однажды, когда Ломоносовъ сидѣлъ за кускомъ черстваго хлѣба, составлявшимъ весь обѣдъ его и семьи, явились

кредиторы, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, съ требованіемъ денегъ.

— У меня теперь нѣтъ денегъ, отвѣчалъ Ломоносовъ, съ горестію взглянувъ на рыдающую жену: но подождите еще нѣсколько дней....

— Не хотимъ ждать! закричали въ одинъ голосъ заимодавцы: мы и такъ ужъ давно ждемъ!

— Но я вскорѣ получу изъ Россіи третное жалованье свое, и тогда.....

— Знаемъ мы это. Давно уже слышали! Не хотимъ ждать! Подавайте намъ сейчасъ деньги!

— Но гдѣ же мнѣ ихъ взять? вскричалъ съ отчаяніемъ Ломоносовъ.

— Коли негдѣ, такъ въ тюрьму его! закричали заимодавцы.

— Въ тюрьму! повторилъ съ ужасомъ Ломоносовъ; но, ради Бога, подумайте....

— Не хотимъ думать! Въ тюрьму его!

Ни просьбы Ломоносова, ни слезы жены, ни плачъ малютки, не тронули жестокихъ. Они настоятельно требовали, чтобы русскаго студента посадили въ тюрьму. Полицейскій чиновникъ готовился уже исполнить обязанность свою, когда вдругъ внезапная мысль сверкнула въ умѣ Ломоносова.

— Постойте! вскричалъ онъ: выслушайте еще одно слово!

— Ну что, говорите скорѣе? отвѣчалъ одинъ изъ кредиторовъ.

— Потерпите только до завтра! просилъ Ломоносовъ.

— Э, вздоръ! завтра будетъ опять та же пѣсня!....

— А что же, въ-самомъ-дѣлѣ, заступился сжалившійся полицейскій чиновникъ: подождемъ до завтра, можетъ быть и будетъ толкъ. Вѣдь одинъ день не мѣсяцъ, не годъ.

Заимодавцы посовѣтовались между со-

бою, и наконецъ одинъ изъ нихъ, обратившись къ Ломоносову, сказалъ:

— Херъ Ломоносовъ, мы беремъ въ соображеніе бѣдственное положеніе вашего семейства, и готовы ждать, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вы заплатили все сполна—завтра же!

Ломоносовъ не отвѣчалъ. Глаза его были устремлены на одинъ предметъ.... онъ о чемъ-то раздумывалъ.

— Что жъ вы молчите? Обязываетесь ли вы уплатить намъ завтра?

— Ахъ, Боже мой! да гдѣ же намъ взять... начала жена Ломоносова, но онъ скоро перебилъ ее:

— Да, да, господа! Завтра.... завтра....

— Ну, такъ до свиданія, херъ Ломоносовъ, и не сердитесь на насъ. Право, обстоятельства вынуждаютъ насъ къ такому поступку. Времена плохія! Впрочемъ, расплатитесь завтра, и мы опять готовы вѣрить вамъ....

— Да, да, завтра.... завтра.... разсѣянно повторилъ Ломоносовъ, провожая заимодавцевъ.

Затворивъ за ними дверь, онъ воротился къ женѣ, крѣпко обнялъ ее, поцаловалъ малютку-дочь, и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Христина, не мѣшай мнѣ до вечера — я буду заниматься въ кабинетѣ своемъ, только вечеромъ приди проститься со мною.... я, можетъ-быть, проработаю всю ночь.... и принеси съ собою малютку нашу, я поцалую ее.... авось мнѣ не такъ тяжка будетъ.... работа... слышишь?.... Послѣднія слова произнесъ Ломоносовъ задыхавшимся голосомъ, и скоро ушелъ въ кабинетъ свой.

Онъ проработалъ до глубокой ночи. Жена не замедлила принести ему малютку, и сама хотѣла просидѣть съ нимъ, но Ломоносовъ упросилъ ее лечь. Онъ долго, долго цаловалъ жену и дочь, благословилъ ихъ по русскому обычаю,

и глубоко вздохнувъ, опять принялся за дѣло.... за какое же дѣло? Чѣмъ занимался въ это время Ломоносовъ? Онъ укладывалъ всѣ книги и бумаги свои въ порядокъ, писалъ письма и дѣлалъ кой-какія замѣтки. Но вотъ онъ кончилъ...

Всѣ спали въ домѣ, а можетъ-быть, и въ цѣломъ Марбургѣ, только въ окнѣ русскаго студента, сквозь неплотно закрывавшіяся ставни, свѣтился огонь.

Ломоносовъ всталъ, усердно помолился иконѣ, взялъ со стола письма, снялъ съ шеи крестъ, которымъ нѣкогда благословила его мать и съ которымъ онъ никогда не разлучался, и пошелъ къ комнатѣ, гдѣ спали жена и дочь его сномъ невинности.

Молча смотрѣлъ Ломоносовъ на милыхъ сердцу, и горячія слезы текли по щекамъ его.... онъ поцаловалъ жену, потомъ подошелъ къ малюткѣ.... худо сплоченныя доски заскрипѣли подъ ногами его.... малютка зашевелилась и,

какъ-бы во снѣ, протянула къ отцу ручонки.... твердость стала покидать его, слезы струились изъ глазъ — онъ всячески старался удержать всхлипыванія..., но малютка успокоилась, и опять погрузилась въ безмятежный сонъ. Ломоносовъ осторожно надѣлъ на нее крестъ свой, положилъ на столъ приготовленныя имъ письма, еще разъ взглянулъ на близкихъ сердцу его, благословилъ ихъ, и такъ же осторожно вышелъ изъ спальни, какъ вошелъ въ нее. Въ передней онъ накинулъ старый изношенный плащъ свой, надѣлъ фуражку, и еще разъ глубоко вздохнувъ, вышелъ на улицу.

Знаете ли, какая была цѣль его?... Бѣжать изъ Марбурга въ Россію!...

И вотъ Ломоносовъ второй разъ бѣжитъ отъ родныхъ, бѣжитъ изъ дому, который называлъ своимъ!...

Но второе бѣгство его было тягостнѣе перваго. Тогда его подкрѣпляла вѣра въ способности, дарованныя ему Гос-

подомъ, и онъ бѣжалъ, чтобы удовлетворить тому желанію, той страсти къ ученію, которая мучила его, не давая ему ни днемъ ни ночью покоя!... Теперь онъ долженъ былъ укрываться, какъ преступникъ, отъ преслѣдованій жестокихъ заимодавцевъ, которые грозили ему заточеніемъ.... теперь онъ оставлялъ безъ защиты и покровительства, въ величайшей нищетѣ, жену и дочь!...

VI.

СОЛДАТЪ.

Изъ сочиненій Ломоносова:

ОДА.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 26.

Господь спаситель мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюся?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ;
Кого я устрашуся?

. . . . . .

Хотъ полкъ противъ меня возстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань;
На Бога полагаюсь.

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ его вселиться;
И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въ ономъ веселиться.

. . . . . .

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю!
И сохрани на всякой часъ;
Къ Тебѣ я прибѣгаю!

. . . . . .

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ,
И далъ жить въ благоденствѣ.

. . . . . .

Въ небольшомъ разстояніи отъ нѣмецкаго города Дюссельдорфа, на берегу Рейна, находилась небольшая, но чистенькая корчма. Передъ нею, подъ небольшимъ досчатымъ навѣсомъ, столбы котораго были увиты хмѣлемъ, за бо́льшимъ столомъ, на скамьяхъ, выкрашенныхъ свѣтлою зеленою краскою, сидѣло нѣсколько человѣкъ солдатъ, громко бесѣдовавшихъ.

Хозяинъ, въ желтой нанковой курткѣ, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, передникомъ, въ полосатомъ колпакѣ, услуживалъ гостямъ, не выпуская изо рта коротенькой трубочки, и когда въ немъ не было нужды, возвращался въ уголокъ, къ маленькому столику, на которомъ стояла большая, тяжеловѣсная оловянная кружка съ пивомъ, которое хозяинъ съ наслажденіемъ потягивалъ.

По тропинкѣ, ведшей изъ лѣсу къ корчмѣ, шелъ въ то время мужчина лѣтъ тридцати. На немъ былъ изорванный, старый плащъ; фуражка была надвинута на глаза. Медленно, какъ бы истомленный продолжительною ходьбою, подвигался онъ впередъ, упираясь на толстую, суковатую палку. Съ осторожностію и боязнію осматривался онъ по сторонамъ, и замѣтивъ солдатъ, сидѣвшихъ у корчмы, остановился въ нерѣшимости. Но усталость и, можетъ-быть, голодъ взяли верхъ надъ страхомъ; онъ

прямо пошелъ къ корчмѣ и въ изнеможеніи упалъ на скамью.

Хозяинъ, замѣтивъ пришельца, глотнулъ пива, утеръ ротъ широкою ладонью, и подошелъ къ путнику.

— Что вамъ надо? спросилъ онъ, осмотрѣвъ бѣдняка съ ногъ до головы.

Путникъ, у котораго отъ изнеможенія закрылись глаза, на минуту открылъ ихъ, и посмотрѣвъ на хозяина, отвѣчалъ слабымъ голосомъ:

— Ничего!

— Wie so?—спросилъ протяжно хозяинъ, непривышій къ подобнымъ отвѣтамъ: ничего?

— Да.... то есть.... извините.... продолжалъ бѣднякъ съ робостію: я хотѣлъ просить васъ.... дайте мнѣ кусокъ хлѣба..... хоть черстваго!....

Хозяинъ поморщился, почесалъ сперва лобъ, потомъ красный носъ свой и, осмотрѣвъ еще разъ бѣдняка съ ногъ до головы, позвалъ служанку и велѣлъ ей

принесть бѣдняку кусокъ хлѣба, вареного картофелю и стаканъ вина, только того, что похуже. Нѣмцы и въ благотворительности разсчетливы!

Путникъ не имѣлъ даже силъ благодарить хозяина; но когда служанка исполнила приказаніе послѣдняго, то бѣднякъ съ жадностію бросился на то, что подали.

Между тѣмъ солдаты подозвали къ себѣ хозяина.

— Что это за человѣкъ? спросилъ вахмистръ, поглаживая подбородокъ и показывая на путника.

— А Богъ его знаетъ! Видно странствующій ремесленникъ какой-нибудь, а можетъ, и бродяга. Кто ихъ распознаетъ!

— Что онъ не бродяга, это я вижу по лицу его, продолжалъ вахмистръ: я довольно насмотрѣлся на людей, и съ разу узнаю, кто какая птица!

А вѣдь бравый молодецъ! сказалъ

одинъ изъ солдатъ, смотря на путника, съ жадностію доѣдавшаго картофель.

— Что̀ за молодецъ? замѣтилъ хозяинъ, поглаживая выпуклый, животъ свой: вишь какой тощій!

Солдаты засмѣялись, а между тѣмъ вахмистръ, наливъ полный стаканъ вина, всталъ съ мѣста своего, пошелъ къ путнику, и слегка ударивъ его по плечу, подалъ ему стаканъ съ виномъ и спросилъ:

— А что̀, камрадъ, не хочешь ли винца?

Бѣднякъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на военнаго съ робостію, но замѣтивъ ласковое выраженіе лица его, успокоился и отвѣчалъ:

— Благодарю. За угощенье я съ молоду привыкъ отплачивать угощеніемъ. А теперь мнѣ нечѣмъ будетъ отблагодарить вамъ.

— Э, полно! Пей на здоровье! Ты усталъ; это подкрѣпитъ тебя.

Бѣднякъ съ удовольствіемъ выпилъ вино.

— Вотъ такъ! продолжалъ вахмистръ. Что? хорошо? То-то и есть! А ты видно издалека?

— Изъ Марбурга, отвѣчалъ необдуманно путникъ, и какъ бы раскаялся въ опрометчивости своей.

— Ого! порядочно! И все пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Значитъ, ты мастеръ ходить! Впрочемъ и неудивительно: парень ты видный и здоровый!... говорилъ вахмистръ; а позволь еще спросить, какимъ ремесломъ занимаешься?

— Я студентъ.

— То есть, ученый?

— Учащійся.

— Это все равно!.... важно отвѣчалъ вахмистръ; потомъ, покачавъ головой, продолжалъ: охота тебѣ молодцу такому, съ глупыми книгами возиться! Ну, что въ нихъ толку? Бредни, да болтовня пу-

стая! То ли дѣло наша жизнь, солдатская, привольная, молодецкая!

— Именно, именно! воскликнули солдаты, постепенно перешедшіе къ тому столу, гдѣ сидѣлъ путникъ.

— Мы у Короля первые любимцы; только и заботы, чтобъ угодить ему, а потомъ погулять, да попить!... Ехъ, чудная жизнь! Ей, хозяинъ! еще бутылку сюда, да смотри, хорошаго! А не то, вѣдь ты меня знаешь... я шутить не люблю!

Вино было подано, и вахмистръ, вмѣстѣ съ солдатами, просили путника пить съ ними. Онъ не отказывался.

— Да, продолжалъ вахмистръ, жизнь наша самая счастливая! Король—отецъ, кормитъ и одѣваетъ насъ! Тужить не о чемъ; особенно нынѣшній Король; ему служить и выгодно и почетно!... Ей, ребята! выпьемъ за здравіе Его Королевскаго Величества Фридриха II!

— За здравіе! повторили солдаты.

— За здравіе! повторилъ и путникъ,

на котораго сильно дѣйствовало вино, выпитое въ большомъ количествѣ и почти натощакъ. Къ тому присовокупилась и усталость. Глаза его смыкались, онъ пробормоталъ еще нѣсколько несвязныхъ словъ, руки его повисли по обѣимъ сторонамъ стула, голова опустилась на грудь и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ....

Замѣтивъ это, хозяинъ наклонился въ вахмистру и сказалъ, смѣясь:

— Ну! этотъ вамъ не дорого стоилъ, вы его какъ разъ сшибли!...

— А тебѣ досадно, что мало вина выпили, толстая пивная бочка! отвѣчалъ вахмистръ.

— Что вы все бранитесь, господинъ вахмистръ? вскрикнулъ хозяинъ: ничего мнѣ не жаль, потому что вѣдь это не въ первый разъ. Побываете еще!

— Полно разговаривать по пустому, сказалъ вахмистръ, обратившись къ солдатамъ: принимайтесь за дѣло! Нечего время терять.

— Ага, попался, пріятель! говорили, смѣясь, солдаты. Они были вербовщики, которые иногда угрозами, иногда ласками, а бо̀льшею частію обманомъ овладѣвали молодыми людьми и забирали ихъ въ солдаты. То же сдѣлали они съ бѣднымъ путникомъ-студентомъ. Пользуясь сномъ его, они нашили ему на кафтанъ красный воротникъ, и сунули въ карманъ горсть денегъ, а потомъ бережно снесли въ одну изъ комнатъ корчмы.

Долго и крѣпко спалъ утомленный бѣднякъ; только на слѣдующее утро разбудилъ его вахмистръ.

— Вставай, камрадъ, вставай! пора въ дорогу! говорилъ онъ.

— Въ дорогу! Куда? спросилъ путникъ, протирая глаза.

— Куда? Не твое дѣло! Про то знаетъ начальство, отвѣчалъ вахмистръ.

— Какое начальство?

— Что̀? ты не признаешь начальства?

А вотъ какъ я тебя проучу хорошенько такъ и будешь знать!—и вахмистръ замахнулся на него палкой.

Студентъ скоро вскочилъ, и только тогда замѣтилъ, что ему нашили красный воротникъ. Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на вахмистра и на окружавшихъ его солдатъ, которые, посмѣиваясь, перешептывались между собою.

— Ты, видно, еще не проспался, продолжалъ вахмистръ, опустивъ палку; такъ я прощаю тебѣ; а то, братъ, наша солдатская служба не игрушка: потерпишь и холодъ и нужду, а не смѣй пикнуть! Слышишь, мы шутить не любимъ, ты у насъ смотри въ оба! Ступай же, стройся въ рядъ съ товарищами.

— Съ какими товарищами?

— Съ рекрутами, которые, можетъ-быть, со временемъ, будутъ славными прусскими солдатами.

— Съ чего вы взяли, что я вамъ то-

варищъ? что я рекрутъ? спросилъ съ изумленіемъ студентъ.

— А съ того, что ты вчера завербовался и пилъ за здоровье нашего Короля, отвѣчалъ вахмистръ.

— Такъ за рюмку вина вы хотите сдѣлать меня прусскимъ солдатомъ? Никогда! вскричалъ съ негодованіемъ студентъ; вы хотите овладѣть мною низкимъ поступкомъ, но это вамъ не удастся, потому-что я Русскій, меня зовутъ Ломоносовымъ!... Если моя Государыня потребуетъ жизни моей, то я готовъ пролить за нее послѣднюю каплю крови; но служить чужому королю не намѣренъ!...

— Ого! да у него еще вчерашній хмѣль въ головѣ бродитъ! сказалъ грубо засмѣявшись, вахмистръ: мы, братъ, дурь-то выколотимъ изъ тебя.... держите его!

Двое солдатъ схватили Ломоносова за руки.... вахмистръ замахнулся, но не билъ еще, а спросилъ:

— Будешь ли служить вѣрой и правдой Его Королевскому Величеству?

Ломоносовъ видѣлъ, что сопротивленіе испортитъ все дѣло, и что, слѣдовательно, надо было покориться глупой необходимости; но тутъ же онъ твердо рѣшился избавиться отъ новыхъ своихъ мучителей.

Новобранныхъ рекрутовъ отправили въ крѣпость Везель, для обученія военной службѣ.

Бѣдный Ломоносовъ! неужели ему суждено остаться на всю жизнь прусскимъ солдатомъ? Неужели для того провелъ онъ пятнадцать лѣтъ за книгами, въ области наукъ и фантазіи, чтобы находиться подъ палкой какого-нибудь грубаго вахмистра?....

Нѣтъ! судьба или, вѣрнѣе, Провидѣніе, которое такъ милостиво берегло его на славу Россіи, и въ этотъ разъ спасло его. Никто, какъ само Провидѣніе берегло его, потому-что, пред-

ставьте себѣ, легко ли уйти изъ крѣпости, окруженной высокою стѣною, валомъ и глубокими рвами, гдѣ за рекрутами сгрого присматривали, гдѣ на каждомъ шагу стояли часовые? Ломоносовъ побѣдилъ всѣ эти препятствія....

Однажды, вечеромъ, онъ легъ спать ранѣе другихъ; проснувшись въ полночь, и замѣтивъ, что всѣ еще спали крѣпкимъ сномъ, онъ вылезъ, какъ можно осторожнѣе, въ окно, находившееся близь постели его; пользуясь ночною темнотою, перелезъ онъ черезъ стѣны и валъ, переплылъ ровъ! Тамъ сорвалъ онъ ненавистный красный воротникъ и не имѣя копѣйки денегъ, пустился бѣжать по дорогѣ въ Голландію, откуда, съ помощію русскаго посланника, надѣялся перебраться въ Россію.

....На бѣдномъ бѣглецѣ не было сухой нитки; онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; но, боясь быть поймапнымъ, не могъ остановиться ни на минуту. Стало

свѣтать. Вдругъ изъ крѣпости послышался пушечный выстрѣлъ, обыкновенный сигналъ погони за убѣжавшимъ рекрутомъ.

Ломоносовъ пустился бѣжать еще скорѣе, и безпрестанно оглядывался.... завидѣлъ вдали всадника, гнавшагося за нимъ во весь опоръ.... Ноги его подкосились....

— Господи, спаси и помилуй! проговорилъ Ломоносовъ, перекрестился и, собравъ послѣднія силы, ускорилъ бѣгъ свой...

Но всадникъ догонялъ его.... Ломоносовъ слышалъ уже ровный стукъ копытъ лошади... до него доходили крики догонявшаго... какъ вдругъ глазамъ его представился неширокій ровъ и столбъ.... Ломоносовъ спасенъ!...

Онъ за границей!...

Скрывшись за кустарникомъ, Ломоносовъ теплой молитвой поблагодарилъ Всевышняго, потомъ раздѣлся, сталъ су-

шить мокрое платье, и проспалъ спокойно до полудня.

Но далеко было еще до Амстердама, а потому Ломоносовъ,—человѣкъ, которымъ впослѣдствіи восхищалась вся Россія, ученый, словомъ, геній, какіе рѣдко являются на землѣ — протягивалъ руку, прося милостыню!

Странная судьба великаго человѣка!

Такимъ образомъ дошелъ онъ наконецъ до Амстердама, и оттуда переплылъ на купеческомъ кораблѣ въ Петербургъ!... Вскорѣ вступилъ онъ на родную, на русскую землю.... свѣтло сіяло на голубомъ небѣ солнце, весело струилась чудная Нева; всѣ лица, которыя встрѣчалъ Ломоносовъ, казались ему родными, знакомыми, и возлѣ вѣры, никогда не покидавшей сердца его, проскользнулъ свѣтлый лучь надежды!...

VII.

СЛАВА.

Изъ сочиненій Ломоносова.

ОДА

На новый 1764 годъ Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II.

—

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня радость и покровъ!
Не обинуясь предвѣщаю,
Что гласъ мой править поручаю
Послушницѣ твоей судьбѣ;
И можно ль, чтобы наши лѣта
Россійскаго отрадѣ свѣта
Не уподобились тебѣ?

. . . . . .

Украсить тщась лицо земное,
Ночную сокращаетъ тѣнь;

Она о подданныхъ покоѣ
Печется ночь вмѣняя въ день.
Россіяне народъ послушной!
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчелъ
Въ трудахъ Царицѣ подражайте,
И сладость счастья умножайте
Успѣхами полезныхъ дѣлъ!

Кончилась страдальческая жизнь Ломоносова! Возсіяло и надъ нимъ солнце радости!...

Въ Петербургѣ умъ и геній Ломоносова были оцѣнены. Онъ нашелъ себѣ покровителей, не только между вельможами, но и Августѣйшая Фамилія осыпала его милостями и щедротами своими. Онъ получилъ мѣсто при Академіи, и вскорѣ пріѣхала къ нему въ Петербургъ добрая жена и маленькая дочь его. Свиданіе было самое трогательное. Пре-

жде того еще Ломоносовъ собирался ѣхать въ Холмогоры, чтобы повидаться съ отцомъ и обрадовать его успѣхами своими, но Академія, задавъ ему ученое сочиненіе по предмету его, не отпустила, а впослѣдствіи Ломоносовъ узналъ, что отецъ его погибъ на одномъ изъ рыбныхъ промысловъ, и былъ выброшенъ бурею на тотъ самый островъ, на которомъ Михайло нѣкогда провелъ ночь, любуясь бурею. Горесть сына о потерѣ отца была неописанна, и въ однихъ занятіяхъ онъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе.

Ломоносовъ трудился неусыпно, и слава его распространилась, не только по всей Россіи, но и въ иностранныхъ государствахъ; онъ былъ принятъ въ члены разныхъ заграничныхъ учебныхъ обществъ, между прочимъ Академіи Стокгольмской и Болоньской.

Но величайшею изъ всѣхъ наградъ было для него посѣщеніе Императрицы

Екатерины II! Премудрая Государыня поняла гения, прославлявшаго огромную имперію ея, и неожиданно пріѣхала къ нему съ И. И. Шуваловымъ, ревностнѣйшимъ и достойнѣйшимъ изъ покровителей Ломоносова.

Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ женѣ и дочери его, Императрица пожелала видѣть ученыя занятія Ломоносова, который, позабывъ присутствіе великой Государыни, видѣлъ въ Ней только геніяльную женщину, и былъ отъ того еще краснорѣчивѣе, говорилъ еще увлекательнѣе. Въ восторгѣ и умиленіи сердца, онъ тутъ же написалъ стихи. Императрица милостиво приняла благодарность Ломоносова, выразившуюся въ этихъ стихахъ, и пожелала, чтобы онъ самъ прочелъ ихъ вслухъ.

Ломоносовъ немедленно исполнилъ желаніе высокой посѣтительницы; преклонилъ колѣна, поцаловалъ руку ея, и съ чувствомъ и жаромъ прочелъ слѣдующее:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому ПЕТРУ во слѣдъ, ЕКАТЕРИНА
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

Какъ ни славна была жизнь Ломоносова, но наступилъ тотъ часъ, который наступаетъ равно для богатаго и бѣднаго, умнаго и глупаго... Отъ смертнаго одра Ломоносова не отходили жена, дочь его и... Виноградовъ!.. первый другъ Ломоносова, какъ бы нарочно возвратившійся изъ-за краевъ Сибири, куда онъ ѣздилъ за учеными изслѣдованіями.... Великолѣпные экипажи без-

престанно останавливались у подъѣзда дома, въ которомъ онъ жилъ, и сама Императрица каждый день освѣдомлялась о состояніи больнаго.

Но неумолимая смерть приближалась, да, приближалась, и безжалостно протягивала къ больному костлявую руку свою.... Наконецъ 4-го Апрѣля 1765 года, на четвертый день Пасхи, Ломоносовъ въ послѣдній разъ поцаловалъ жену, благословилъ дочь, и пожалъ руку другу.... душа его отлетѣла въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни горя, ни заботъ!...

Тѣло Михаила Ломоносова погребено въ Петербургѣ, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, на лѣвой рукѣ при входѣ въ монастырь.

На гробѣ его поставленъ мраморный столпъ съ русскою и латинскою надписями. Вотъ русская:

въ память

славному мужу

МИХАИЛУ

ЛОМОНОСОВУ,

родившемуся въ Холмогорахъ
въ 1711 году,

бывшему

статскому совѣтнику,

Императорской Санктпетербургской

Академіи Наукъ

профессору

стокгольмской и болонской

члену,

Разумомъ и науками превосходному,
знатнымъ украшеніемъ Отечеству
служившему;

КРАСНОРѢЧІЯ, СТИХОТВОРСТВА

и

ИСТОРІИ РОССІЙСКОЙ

УЧИТЕЛЮ

Мусін первому въ Россіи безъ руководства

ИЗОБРѢТАТЕЛЮ,

преждевременною смертію отъ Музъ и Отечества, на дняхъ Святыя Пасхи 1765 года

ПОХИЩЕННОМУ,

воздвигъ сію гробницу

ГРАФЪ

МИХАЙЛО ВОРОНЦОВЪ,

славя Отечество съ таковымъ гражданиномъ, и горестно соболѣзнуя о его кончинѣ.

Если вы когда нибудь, друзья мои, посѣтите съ родителями вашими Александро-Невскую лавру, то не забудьте остановиться у памятника изъ бѣлаго мрамора, и поклониться праху великаго человѣка.....

VIII.

ТРУДЫ.

За нѣсколько дней предъ своею кончиною, Ломоносовъ говорилъ господину Совѣтнику Штелину:

«Другъ мой! Я примѣчаю, что мнѣ скоро «умереть: на смерть взираю равнодушно; но «сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ до- «вершить, что̀ началъ для пользы отечества, «для славы наукъ, и для чести Академіи. Къ «сожалѣнію, вижу теперь, что благія намѣре- «нія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною.»

Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ. С. П. бургъ.

1772 года.

Кругъ дѣйствій Ломоносова былъ такъ обширенъ, что трудно понять, какъ у одного человѣка достало силъ душевныхъ и физическихъ, для выполненія всего того, что̀ дѣлалъ и сдѣлалъ Ломоносовъ — но за то онъ былъ геній!

Его занимали химія и поэзія, металлургія и словесность, физика и краснорѣчіе; древности Греціи, Рима, исторія и искуства! Будучи профессоромъ и членомъ Академіи, онъ читалъ лекціи и

разсужденія объ разныхъ ученыхъ предметахъ

Изъ рѣчей, читанныхъ имъ, самая лучшая: *Похвальное Слово Петру Великому;* между огромнымъ множествомъ стихотвореній, писанныхъ, бо́льшею частію, по заказу, лучшія тѣ, которыя Ломоносовъ писалъ отъ души, по внутреннему призванію. Между послѣдними особенно замѣчательна поэма: *Петръ Великій*. Онъ не рѣдко писалъ въ стихахъ и объ ученыхъ предметахъ. Сверхъ стихотвореній, которыя Ломоносовъ считалъ отдыхомъ послѣ тяжкихъ ученыхъ трудовъ, онъ написалъ еще: *Руководство къ краснорѣчію, Россійскую Грамматику, Краткій Россійскій Лѣтописецъ, Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ, Металлургію,* и м. д.

Кромѣ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ занятій, у Ломоносова было еще одно любимое, задушевное, от-

носящееся къ искусствамъ, и именно: *Мозаика*.

Мозаическими картинами называются такія, въ которыхъ краски замѣняются мелкими разноцвѣтными стеклышками, съ искусствомъ и вкусомъ расположенными.

Въ нашей петербургской Эрмитажной-галереѣ есть нѣсколько такихъ картинъ: между ними особенно замѣчательна одна, скопированная съ знаменитой картины Фламандскаго живописца Поль-Поттера, извѣстная подъ названіемъ: *Корова*. Эта мозаическая картина совершенство въ своемъ родѣ.

Ломоносовъ случайно увидѣлъ у одного изъ вельможъ, а именно Графа Воронцова, такую мозаическую картину, и предпріимчивый духъ его не прежде успокоился, пока ему самому не удалось добиться до того, что одинъ, безъ всякой помощи, сдѣлалъ нѣсколько мозаическихъ образчиковъ, которыя были

представлены Императрицѣ. Ломоносовъ получилъ привиллегію на производство мозаическихъ картинъ, завелъ фабрику, и между тѣмъ дома собственноручно занимался огромной картиной, представлявшей Полтавскую битву и назначавшейся въ Петропавловскій-Соборъ.

Таковы были занятія безсмертнаго Ломоносова—таково могущество всеобемлющаго генія!

КОНЕЦЪ.

ЛОМОНОСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Домъ родительскій	3
II.	Сѣверное сіяніе	27
III.	Москва	45
IV.	Училище	71
V.	За границей	83
VI.	Солдатъ	101
VII.	Слава	121
VIII.	Труды	133

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ
МЕНЬШИКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОЧ. П. Р. ФУРМАННА.

Три части, съ портретомъ князя Меньшикова и 19 картинками, литографированными художникомъ г. Клюквинымъ, и отпечатанными въ литографіи Военной галлереи Императорскаго Зимняго дворца. Всѣ рисунки и портретъ отпечатаны въ два тона, и потомъ раскрашены, по образцу иностранныхъ сего рода изданій. С.Петербургъ, 1848 г., въ 18-ю д. л. Цѣна за три части, на лучшей веленевой бумагѣ, ТРИ РУБЛИ СЕРЕБРОМЪ, и съ пересылкою.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Счастіе и заслуги. Глава I. Пѣсни пирожника.—Глава II. Первый шагъ.—Глава III. Заговорщики.—Глава IV. Счастливая мысль.—Глава V. Хитрость Меньшикова.—Глава VI. Неустрашимость Петра Великаго.—Глава VII. Заслуги Меньшикова и блистательное повышеніе его.—Глава VIII. Мать и сынъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Честолюбіе и корыстолюбіе.—Глава I. Избытокъ счастія.—Глава II. Милостивъ судъ царскій.—Глава III. Еще судъ.—Глава IV. Примѣры дѣятельности Меньшикова.—Глава V. Ненасытное корыстолюбіе.—Глава VI. Смерть Петра Великаго.—Глава VII. Хорошая и дурная сторона.—Глава VIII. Первая немилость.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ. Несчастіе и искупленіе.—Глава I. Изгнаніе.—Глава II. Выѣздъ изъ столицы.—Глава III. Ссылка.—Глага IV. Вѣрный слуга.—Глава V. Новыя страданія.—Глава VI. Сѣверное сіяніе.—Глава VII. Слѣпая.—Глава VIII. Послѣднее пристанище.

БЛИЖНІЙ БОЯРИНЪ
АРТЕМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
МАТВѢЕВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Соч. П. Р. ФУРМАННА.

Въ двухъ частяхъ, съ 20-ю картинками, рисованными Р. К. Жуковскимъ, и отпечатанными въ два тона. С. Петербургъ, 1848 г., въ 18-ю д. л. Цѣна за двѣ части безъ раскраски 1 р. 50 к., а съ раскраскою 2 р. сер.

АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

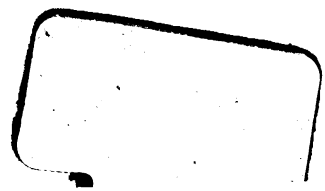
Составленный П. Р. Фурманномъ,

съ 70-ю политипажными рисунками и 8-ю литографированными картинками, отпечатанными въ два тона. С. Петербургъ, 1847 г., въ 16 д. л. Цѣна за двѣ книжки 1 руб. 50 коп. сер., и съ пересылкою

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. Повѣсти и разсказы. 1. Ученикъ тесемочнаго мастера. Историческій разсказъ изъ временъ Петра Великаго. Соч *П. Р. Фурманна.*—2. Паганини Біографическій очеркъ. *П. Ф.*—3. Голуби и кролики. *А. Р.*—4. Столяръ и кружевница. Историческій разсказъ, *П. Ф.*—5. Мехметъ-Бей, мамелюкъ Тунисскій. Современная быль, *П. А. Корсакова.*

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ. Драматическія сочиненія. 1. Имянины, Комедія въ одномъ дѣйствіи, *А. С—ной.*—2. Избалованное дитя. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, *А. С—ной.*—3. Лѣнивица. Драма въ одномъ дѣйствіи, *А. С—ной.*—4. Бѣдность, Честность, Счастье, или Марсельская сирота. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, *Е. Г—а.*


3 2044 051 717 338